

Климентѣ Александрійскаго. Въ *третьей* главѣ (59—110) излагается ученіе Оригена о разумномъ познаніи, какъ основаніи и условіи добродѣтели. Въ *четвертой* главѣ (110—159), на основаніи сочиненія его „о началахъ“, раскрывается ученіе о состояніи челоѣка до паденія, о паденіи, о причинѣ и послѣдствіяхъ его. Въ *пятой* главѣ (159—249) раскрывается на основаніи другихъ сочиненій Оригена ученіе его о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ для духовной и тѣлесной природы челоѣка, о наказаніяхъ и бѣдствіяхъ жизни и нравственномъ значеніи ихъ,—о вѣрѣ и условіяхъ ея возникновенія въ челоѣкѣ грѣшномъ, о послѣдствіяхъ ея, о необходимости ея для спасенія, о необходимости борьбы со зломъ для нравственнаго усовершенствованія, о значеніи искушеній и мученичества для нравственной жизни; опровергается его ученіе о возможности прекращенія мученій грѣшниковъ въ загробномъ мірѣ; наконецъ раскрывается его ученіе о необходимости для спасенія постоянныхъ и неослабныхъ подвиговъ благочестія до конца земной жизни.—Въ *шестой* главѣ излагается ученіе Оригена о молитвѣ, исповѣданіи грѣховъ предъ людьми, о постѣ, удаленіи отъ міра, нищетѣ, служеніи обществу и государству, клятвѣ и брачномъ сожитіи.—Въ *заключеніи* говорится о вліяніи Оригена на развитіе монашества.

При оцѣнкѣ сочиненія г. Кіятскаго слѣдуетъ принять въ соображеніе то, что Оригенъ не оставилъ послѣ себя такого сочиненія, которое заключало бы въ себѣ систематическое изложеніе нравственнаго ученія; свои нравственные взгляды онъ высказывалъ отрывочно, въ различныхъ мѣстахъ своихъ многочисленныхъ, особенно истолковательныхъ, сочиненій. Чтобъ изложить нравственное ученіе Оригена въ возможно полномъ и стройномъ видѣ, автору предварительно необходимо было прочесть значительную часть твореній Оригена, частію на греческомъ языкѣ, а преимущественно въ латинскомъ переводѣ,—собрать изъ нихъ по крупицамъ все, относящееся къ уясненію даннаго предмета, и добытый такимъ путемъ матеріалъ обдумать и привести въ должный порядокъ. Авторъ исполнилъ свое дѣло старательно. разсмотрѣлъ ученіе Оригена довольно многосторонне. Чтобъ уяснить тѣ или другія стороны нравственнаго ученія Оригена, авторъ сопоставляетъ его нравственные взгляды

съ его философскими и догматическими воззрѣніями; при этомъ нѣкоторые пункты его нравственнаго ученія подвергается критической оцѣнкѣ съ православной точки зрѣнія, одни изъ нихъ защищаются отъ неправильныхъ толкованій, а другіе опровергаются, какъ несогласные съ истинною православною ученіемъ. Первые четыре главы сочиненія обладаютъ ясностью и отчетливостью мыслей и стройностью ихъ изложенія. Что касается пятой и шестой главъ сочиненія, то онѣ уступаютъ первымъ четыремъ въ указанныхъ отношеніяхъ; здѣсь по мѣстамъ замѣчаются отрывочность въ изложеніи ученія Оригена, неточность перевода нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его сочиненій, а иногда повторенія одного и того-же. Но эти недостатки объясняются и извищаются тѣмъ, что авторъ принужденъ былъ употребить много времени на прочтеніе сочиненій Оригена и вслѣдствіе этого лишился возможности должнымъ образомъ обработать въ литературномъ отношеніи и послѣднія главы своего сочиненія.

Не смотря на указанные недостатки, разсматриваемое сочиненіе даетъ автору его право на полученіе степени кандидата богословія“.

23. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Краснова Леонида*: „Исслѣдованіе понятій и опредѣленій сущности грѣха“:

„Сочиненіе г. Краснова состоитъ изъ введенія, пяти главъ исслѣдованія и заключенія. Во введеніи авторъ, по обычаю, излагаетъ предварительныя понятія о предметѣ своего исслѣдованія, о задачѣ и границахъ его. Въ четырехъ первыхъ главахъ онъ раскрываетъ и приводитъ въ систему ученіе Отцовъ и учителей Церкви о сущности грѣха, касаясь по связи и ученія ихъ о происхожденіи грѣха. Именно, въ главѣ первой онъ раскрываетъ направленное противъ дуализма ученіе ихъ о томъ, что грѣхъ не есть субстанціальная реальность и этимъ существенно отличается отъ добра, или излагаетъ ихъ метафизическое воззрѣніе на грѣхъ. Во второй главѣ онъ излагаетъ воззрѣніе ихъ на грѣхъ, какъ на извращеніе воли и порчу природы свободно-разумныхъ существъ, т. е., излагаетъ ихъ нравственно-антропологическое воззрѣніе на грѣхъ. Въ третьей главѣ онъ раскрываетъ ихъ ученіе о грѣхѣ, какъ преступленіи закона,

т. е., изслѣдуетъ ихъ фѳормально-юридическій взглядъ на грѣхъ. Четвертая глава посвящена раскрытію воззрѣнія ихъ на грѣхъ съ религіозной точки зрѣнія. Въ пятой и послѣдней главѣ авторъ даетъ краткій очеркъ взглядовъ на сущность грѣха прочихъ значительнѣйшихъ богослововъ и философовъ всѣхъ вѣковъ. Въ заключеніи сдѣланы выводы изъ изслѣдованія.

Творенія Отцовъ и учителей Церкви, за исключеніемъ Оригена и Амвросія Медиоланскаго, г. Красновъ изучалъ по русскимъ переводамъ ихъ. Онъ старался не только изложить ученіе каждаго Отца и учителя Церкви о грѣхѣ, но и изъяснить это ученіе въ связи съ общимъ религіознымъ созерцаніемъ каждаго изъ нихъ. Эта вторая задача слишкомъ широка и потому выполнена только отчасти. Гораздо лучше выполнена прямая задача сочиненія — обзорѣніе и раскрытіе заключающагося въ святоотеческой литературѣ ученія о сущности грѣха. При обзорѣ мнѣній о сущности грѣха прочихъ мыслителей г. Красновъ пользовался нѣсколькими готовыми пособіями, въ особенности Догматикою Дорнера (на нѣмецкомъ языкѣ). Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ его способность писать сжато, ясно и логично, отличается вообще серьезностію и православнымъ характеромъ. Степени кандидата онъ заслуживаетъ“.

24. Экстраординарнаго профессора Василя Кипарисова о сочиненіи студента *Кузнецова Александра*: „Пресвященный Θεофанъ (Говоровъ) какъ проповѣдникъ“:

„На долю автора выпало изслѣдовать одного изъ оригинальнѣйшихъ проповѣдниковъ настоящаго столѣтія и при томъ одного изъ проповѣдниковъ обильнѣйшихъ по количеству проповѣдей. И авторъ достаточно хорошо справился съ своей задачей. Минуя столь часто практикуемый приѣмъ — вдаваться въ ненужныя біографическія подробности и какъ можно болѣе дѣлать выписокъ изъ проповѣдей изслѣдуемаго проповѣдника, авторъ сумѣлъ рельефно изобразить особенности и личности, и проповѣдничества пресв. Θεοφана.

„Жизнь Θεοφана, — говоритъ авторъ, — была воплощеніемъ и оправданіемъ того, что онъ говорилъ въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ“ (стр. 58). Жизнь эта не богата внѣшними событіями, какъ это и естественно у проповѣдника, который, по его словамъ, иногда „ученой должностію

начиналъ тяготиться до нестерпимости: пошелъ бы въ церковь, да тамъ бы и сидѣлъ“ (стр. 48), а когда отъ ученыхъ должностей проповѣдникъ освободился, то мечталъ, если позволительно такъ выразиться, о заколачиваніи дверей въ свое уединенное жилище. Но во всякомъ случаѣ совершенно справедливо г. Кузнецовъ въ своемъ изслѣдованіи по преимуществу занимался внутренней стороною проповѣдничества преосв. Теофана, и ему несомнѣнно удалось хорошо показать какъ главную идею, проходящую чрезъ все проповѣдничество Теофана (гл. II), такъ и глубокое единство его проповѣдничества, всегдашнюю вѣрность самому себѣ — свойство не часто наблюдаемое даже и у проповѣдниковъ наиболѣе прославленныхъ (гл. III). Въ то же время авторомъ не обойдено и показаніе того, какимъ образомъ оригинальныя теоретико-богословскія воззрѣнія Теофана выражались въ его проповѣдяхъ, — для чего, естественно, авторъ на ряду съ проповѣдями, касается содержанія сочиненій Теофана и не имѣвшихъ гомилетическаго назначенія. Вообще пріемъ изслѣдованія автора вполне правиленъ и достигаетъ своей цѣли, вслѣдствіе чего читатель, при помощи сочиненія г. Кузнецова, ознакомившійся съ проповѣдничествомъ преосв. Теофана, по моему мнѣнію, не можетъ уже смѣшивать его съ другими подобными: такъ отчетливо, при достаточномъ вниканіи, именно, представляются проповѣдническія идеи и проповѣдническая практика покойнаго затворника. — Сочиненіе г. Кузнецова по этому вполне достаточно для полученія степени кандидата богословія. Есть, конечно, въ сочиненіи нѣкоторыя неудобныя выраженія, какъ напр. стр. 84, 90 („мучительная пустота этого центра заставила его обратиться къ периферіи—внѣшнимъ дѣламъ“, „благодаря грѣху“ и мн. др.); но и со стороны внѣшней сочиненіе безупречно, тѣмъ болѣе—не заключаетъ въ себѣ ничего несогласнаго съ ученіемъ церкви въ отношеніи къ содержанію. Нѣсколько послабѣе остальныхъ частей глава IV сочиненія: „Преосв. Теофанъ среди современныхъ ему проповѣдниковъ“. Но авторъ могъ бы даже и обойти этотъ вопросъ, еслибы имѣлъ склонность уклоняться отъ труда, чего опъ, повидимому, не имѣетъ“.

25. Доцента Анатоія Спасскаго о сочиненіи студента *Кузнецова Михаила*: „Разборъ свѣдѣній историковъ Ев-

севія Кесарійскаго и Зосима объ императорѣ Константинѣ Великомъ“:

„Небольшое сочиненіе г. Кузнецова производитъ пріятное впечатлѣніе своею внутреннею тщательностью, внѣшнею аккуратностью и отсутствіемъ всякихъ излишнихъ претензій. Не гонясь ни за оригинальностью мысли, ни за полною самостоятельностью выводовъ (стр. 5), онъ ограничиваетъ свою работу „провѣркой и выясненіемъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ ученые принимаютъ или отрицаютъ тѣ или другія сообщенія Евсевія и Зосима“ объ императорѣ Константинѣ Великомъ. Въ этомъ и заключалась задача его сочиненія, и она выполнена имъ должнымъ образомъ. Наглядно изобразивши всю противорѣчивость свѣдѣній о первомъ христіанскомъ императорѣ, доставляемыхъ названными въ темѣ историками, г. Кузнецовъ сначала даетъ общую характеристику историческихъ трудовъ Евсевія и Зосима и ихъ источниковъ и, затѣмъ, переходитъ къ детальному разбору ихъ извѣстій о Константинѣ, при чемъ очень удачно группируетъ разбираемый матеріалъ по отдѣльнымъ рубрикамъ. Онъ не разсматриваетъ особо каждое сообщеніе Евсевія или Зосима, а объединяетъ ихъ по предметамъ, благодаря чему все его сочиненіе получаетъ цѣльность и, не смотря на детальность изысканій, читается очень легко. Разборъ свѣдѣній двухъ противорѣчащихъ другъ другу историковъ у него сопровождается характеристикой Константина Великаго въ отношеніи къ его умственнымъ дарованіямъ, нравственности и религіознымъ убѣжденіямъ и даетъ довольно цѣнный, и притомъ возстановленный на основаніи критики источниковъ и изученія литературы, образъ его.

Общій выводъ сочиненія г. Кузнецова тотъ, что „Константинъ былъ дѣйствительно первымъ христіанскимъ императоромъ, принявшимъ и исповѣдовавшимъ христіанскую вѣру искренно (стр. 229)“. Такимъ образомъ, г. Кузнецовъ оправдываетъ и защищаетъ Константина отъ тѣхъ укоризнъ, какія высказаны Зосимомъ и нерѣдко повторяются въ западной литературѣ. Но на пути къ этой цѣли, онъ незамѣтно для себя увлекается въ сторону и начинаетъ защищать не только Константина, но и Евсевія даже отъ тѣхъ упрековъ, съ какими наука справедливо обращается къ

послѣднему. Это особенно становится замѣтнымъ съ 3-й главы сочиненія и ведетъ за собою значительныя неясности. Съ одной стороны г. Кузнецовъ признаетъ „ползую правдивость и безпристрастность автора жизни Константина“ (стр. 102, съ другой не совѣтуетъ довѣрять его разсужденія, полагаясь на одни только факты (стр. 42); на многихъ страницахъ онъ подтверждаетъ это послѣднее ограниченіе (см. напр. 103), но въ 4-й главѣ снова забываетъ его.

Была у Кузнецова возможность показать и нѣкоторую оригинальность мысли, — именно въ изслѣдованіи законодательства Константина Великаго. Этотъ путь былъ указанъ ранѣе Кузнецова, но, насколько мы знаемъ, по немъ еще никто далеко не ходилъ. Не пошелъ далеко по этому пути и Кузнецовъ, но за то онъ можетъ утверждать, что трудности пути ему не безызвѣстны.

Непонятно, почему Кузнецовъ не послѣдовалъ той ореографіи имени языческаго историка Зосима, какая была дана въ изложеніи темы, и принялъ иную, которую онъ едва-ли можетъ защитить.

Нахожу сочиненіе г. Кузнецова вполне удовлетворительнымъ для полученія авторомъ его степени кандидата богословія“.

26. Ординарнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Лебедева Димитрія*: „Участіе духовенства въ дѣлѣ воссоединенія Малороссіи съ Московскою Россіей“:

„Начиная съ церковной уніи 1596 г. до подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, на протяженіи почти цѣлаго столѣтія авторъ обдуманно отмѣтилъ и внимательно прослѣдилъ событія, въ которыхъ обнаружилось участіе малороссійскаго духовенства въ дѣлѣ воссоединенія Малороссіи съ Московскою Россіей, показавъ, какъ это духовенство, съ одной стороны, подготовляло и укрѣпляло въ южно-русскихъ умахъ мысль о необходимости соединенія съ Великою Россіей, а съ другой — подготовляло и московское правительство къ этому дѣлу, вырабатывая и выясняя отношенія, въ какія должно было стать это правительство къ воссоединенной странѣ. Кромѣ общихъ сочиненій Соловьева и м. Макарія авторъ съ большимъ умѣньемъ вос-

пользовался для рѣшенія своей задачи значительнымъ количествомъ специальныхъ изслѣдованій по исторіи Малороссіи. Сочиненіе Д. Лебедева можетъ быть признано весьма удовлетворительнымъ“.

27. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Лихачева Николая*: „О догматическихъ лекціяхъ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго“:

„Сочиненіе г. Лихачева состоитъ изъ 4-хъ главъ. Въ первой главѣ авторъ даетъ характеристику Иннокентія какъ богослова, указываетъ пособія къ изученію его богословія и его личности и опредѣляетъ задачу своего труда. Вторая глава посвящена общей оцѣнкѣ догматической системы Иннокентія, ея характера и построения. Въ третьей главѣ отмѣчены приемы, особенности, достоинства и недостатки богословія Иннокентія, обнаруженные при раскрытіи послѣднимъ частныхъ догматовъ. Въ 4-й главѣ опредѣлено значеніе Иннокентія, какъ догматиста, въ исторіи русской богословеской науки.

Достоинства сочиненія въ томъ, что авторъ его усердно изучалъ какъ лекціи, такъ и прочія догматическія сочиненія Иннокентія, а также сочиненія и журнальныя статьи объ Иннокентіи и его богословіи, и что на основаніи изслѣдованнаго имъ матеріала онъ далъ характеристику Иннокентія, какъ богослова, и оцѣнку его богословія хотя и не глубокую, но въ общемъ вѣрную и живую. Замѣтно, что авторъ изучалъ богословіе Иннокентія и писалъ свое сочиненіе не только съ охотою, но и съ увлеченіемъ, а это сообщило его сочиненію жизненный характеръ. Къ богословію Иннокентія онъ относится сочувственно. Не скрывая того, что богословіе Иннокентія въ научной обработкѣ уступаетъ позднѣе явившимся въ Россіи догматическимъ системамъ, онъ отзывался о немъ, однако, съ большими похвалами, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ: „стройность, законченность, строгая послѣдовательность и связь въ развитіи мыслей, разумное богословствованіе, жизненное пониманіе и проникновеніе догматовъ—все это такія качества, которыя можно встрѣтить не во всякой и современной догматикѣ... Отсутствие схоластическихъ дробленій, дѣленій и подраздѣленій, простота и общедоступность, живой языкъ, убѣжденный, горячій тонъ, рѣдкое

воодушевленное изложеніе, философская созерцательность, теплое религиозное чувство—все это дѣйствуетъ на читателя освѣжающимъ образомъ, возбуждаетъ его и оставляетъ въ душѣ его глубокой слѣдъ. Для насъ лично чтеніе лекцій Иннокентія весьма часто доставляло истинное наслажденіе; благодаря ему многія истины христіанскаго ученія стали понятны для нашего ума и сердца“ (стр. 270—271). Снисходительное отношеніе автора къ недостаткамъ богословія Иннокентія вызывается и оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что собственноручнаго списка лекцій Иннокентія не осталось, а онѣ были воспроизведены по записямъ его слушателей. Но нестенографическія записи никогда не могутъ быть буквально точны. Поэтому можно съ увѣренностію сказать, что печатныя богословскія лекціи Иннокентія и по содержанію, и по языку представляютъ тѣнь читанныхъ или, лучше, говоренныхъ имъ лекцій. Что г. Лихачевъ не впалъ въ порицательный тонъ при оцѣнкѣ лекцій Иннокентія, это мы считаемъ положительнымъ достоинствомъ его сочиненія. Современная критика имѣетъ большую склонность достоинства умалять, а недостатки выставлять на показъ и преувеличивать. Въ такомъ критицизмѣ заключается осужденіе самихъ критиковъ. Во всякомъ случаѣ не желательно видѣть его въ произведеніяхъ школьникова, нужды нѣтъ, что они достигли уже гражданскаго совершеннѣйшаго. А между тѣмъ они-то всего легче и могутъ увлекаться чрезмѣрно-порицательною критикою, потому что они знаютъ, что ихъ критика не дойдетъ до слуха судимаго ими автора.

Сочиненіе написано въ православномъ духѣ и авторъ его степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

28. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи вольнослушателя священника *Оеодори Мальцева*: „Чѣмъ именно христіанское ученіе о нравственности превосходитъ философское ученіе о ней“?

„Сочиненіе краткое (I - XI | 175), но правильное по мысли, достаточно содержательное, написанное языкомъ выразительнымъ и стройное по изложенію. — Авторъ постепенно выясняетъ недостаточность различныхъ философскихъ ученій о нравственности, начиная съ низшаго. Въ первой главѣ онъ разматриваетъ попытки вывести нравственность изъ потреб-

постей личнаго чувства, эстетическаго вкуса, разумности, стремленія къ общему благу и т. д. (начала психологическія). Во второй разсматриваетъ попытки обосновать ее на томъ или другомъ пониманіи первооснованія всего сущаго (начала метафизическія). Въ третьей главѣ (которая,—зачѣмъ въ скобкахъ,—безъ достаточнаго логическаго права обособлена отъ второй) авторъ говоритъ о безсиліи философіи даже въ высшей ея формѣ (въ формѣ спиритуализма) дать для морали предметное начало, т. е. раскрыть ясно и опредѣленно *содержаніе* нравственнаго закона. Такимъ образомъ,—таковъ выводъ автора изъ первыхъ трехъ критическихъ главъ, — „утвердивши абсолютное, какъ Законодателя, въ качествѣ *формальнаго* принципа нравственности, спиритуалисты, опираясь на разумъ, не въ состояніи открыть съ безусловною достовѣрностію, *что составляетъ содержаніе* Божественнаго къ людямъ повелѣнія и дать непоколебимое правило человѣческаго поведенія“ (стр. 137). Въ этомъ именно отношеніи философское ученіе о нравственности и восполняется христіанскимъ. Четвертая глава посвящена выясненію превосходства христіанскаго идеала нравственности сравнительно со всеми философскими и именно—въ четырехъ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) христіанскій идеалъ „представляетъ собою, не какъ философскій—нѣчто мыслимое, существующее только въ возможности, но живую и дѣятельную. Личность, Которая отвѣчаетъ на стремленіе человѣка къ нравственности и сама идетъ къ нему на встрѣчу“; 2) онъ въ корнѣ осуждаетъ и изгоняетъ изъ дѣятельности христіански-нравственно настроеннаго человѣка эгоизмъ, который обыкновенно тонко вилетается во все философія понятія о нравственности; 3) приводитъ въ гармонію все силы нашего духа и все стороны нашей духовной жизни и, наконецъ, 4) доступенъ „для людей всехъ вѣковъ, всехъ ступеней развитія и всехъ состояній“, чего нельзя сказать объ идеалѣ философскомъ.—Главные недостатки сочиненія сводятся къ слѣдующимъ: 1) *недостатокъ обнаруженнаго въ немъ труда*, котораго, вообще говоря, употреблено авторомъ на составленіе сочиненія меньше, чѣмъ было можно и должно; 2) *шаткость некоторыхъ философскихъ понятій* (напр. понятія объ абстрактномъ монизмѣ, который авторъ называетъ такъ же и спиритуализмомъ, что

далеко не одно и тоже, см. стр. 80 и слѣд.; отсюда у него и отмѣченное нами выше логически незаконное обособленіе главъ второй и третьей); 3) *сравнительная краткость четвертой, т. е. положительной главы*, которой, однако, по ея важности, надлежало быть *не главою*, равною съ каждою изъ трехъ другихъ главъ сочиненія въ отдѣльности, *но частью*, равною по объему всѣмъ тремъ первымъ главамъ, взятымъ вмѣстѣ. — Указанные недостатки сочиненія о Мальцева, конечно, уменьшаютъ его, отмѣченные нами въ самомъ началѣ отзыва, достоинства, но не уничтожаютъ ихъ. Посему справедливо признать автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

29. Ордипарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Маминайшвили Евтихія*: „Исторія присоединенія Грузинской церкви къ Русской и значеніе этого факта въ жизни первой изъ нихъ“:

„Названное сочиненіе представляетъ собою историческое изображеніе сношеній Грузинской церкви съ Русскою, начиная съ XVI вѣка и до 1824 года, когда окончательно завершилось присоединеніе Иверской церкви къ Русской.“

Сочиненіе задумано авторомъ по плану довольно обширному. Оно должно было состоять изъ двухъ частей: первая должна была обнимать исторію сношеній Грузинской церкви съ Русскою и присоединенія первой къ послѣдней, а вторая, содержа изображеніе устройства и управления Грузинской церкви до-и-послѣ присоединенія ея къ Русской, должна была раскрыть значеніе этого событія для церкви Грузинской.

Этотъ планъ авторомъ не вполне осуществленъ: въ окончательно обработанномъ видѣ представлена лишь первая часть сочиненія; для второй же собранъ матеріалъ и выработана подробный конспектъ.

Предметъ, избранный авторомъ для сочиненія, изученъ имъ вполне и основательно, какъ по существующимъ изслѣдованіямъ по исторіи Грузинской церкви, такъ и по изданнымъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ памятникамъ каноническимъ, юридическимъ и историческимъ. Языкъ сочиненія простъ, ясенъ и чистъ. Сочиненіе всюду проникнуто христіански-патріотическимъ настроеніемъ автора, и читая его, невольно прочтешься интересомъ къ пережи-

тымъ судьбамъ искони преданнаго святой православной вѣрѣ Грузинскаго народа, геройски и неослабно защищавшаго ее отъ напора со стороны мусульманства и язычества. Подчиненіе Грузинской церкви Русской авторомъ представляется какъ событіе подготовившееся издавна, какъ предметъ желаній и стремленій лучшихъ представителей бывшаго грузинскаго царства и іерархін и сопровождалось весьма благими послѣдствіями для устройства церковнаго быта.

Хотя сочиненіе далеко не окончено, однако же принимая во вниманіе выше указанныя добрыя качества его и усердный трудъ автора, не щадившаго своего слабаго здоровья для добросовѣснаго исполненія своей задачи, признаю вполне удовлетворительнымъ для удостоенія автора степени кандидата богословія“.

30. Ординарнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Марсова Алексѣя*: „Русскіе миссіонеры въ Восточной Сибири и Сѣверной Америкѣ“:

„Это—довольно сжатый очеркъ исторіи русскихъ миссій въ означенныхъ странахъ, начинающійся разсказъ мѣ о возникновеніи Кадьякской миссіи архимандрита Іоасафа и оканчивающійся описаніемъ просвѣтительной дѣятельности Пиннокентія Веніамінова. Обѣщанная въ оглавленіи третья глава о дѣятельности миссій Иркутской и Забайкальской осталась ненаписанной. Авторъ черпалъ свѣдѣнія преимущественно изъ сочиненій митрон. Пиннокентія, изъ біографіи его, написанной г. Барсуковымъ, и изъ издавнаго Валаамскаго монастыря „очерка изъ исторіи Американской православной духовной миссіи“. Излагая факты, авторъ обыкновенно воздерживается отъ сужденія о нихъ, предоставляя читателю самому дѣлать заключенія о характерѣ и значеніи дѣйствующихъ лицъ, о средствахъ, условіяхъ и затрудненіяхъ миссіонерскаго дѣла, о связи его съ русской колонизаціей тѣхъ странъ и т. п. Изложеніе автора страдаетъ недостаткомъ литературной обработки. Впрочемъ, внимательное изученіе сочиненій, которыми онъ пользовался, соединенное съ умѣньемъ выбирать изъ нихъ характерныя данныя, даетъ возможность признать трудъ автора удовлетворительнымъ“.

31. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о со-

чиненіи вольнослушателя *іеромонаха Михея*: „Первосвященническая молитва Господа“:

„Небольшое сочиненіе о. Михея представляетъ послѣдовательное объясненіе XVII главы евангелія отъ Іоанна, содержащей первосвященническую молитву Господа.

Недостатки труда: а) сочинитель не изучалъ ни иностранныхъ, ни русскихъ пособій для научно-всесторонняго изъясненія текста евангельскаго; б) не широко изученіе и православной экзегетической литературы, какъ древне-отеческой, такъ и русской; в) нерѣдко даетъ себя знать отсутствіе литературно-богословской школы въ изложеніи мыслей.

Достоинства: а) отсутствіе полемики съ экзегетическими, по большей части схоластическо-мелочными, разномнѣніями и положительность въ раскрытіи основныхъ мыслей даннаго отдѣла евангельскаго, — б) раздѣльное изложеніе въ двухъ особыхъ частяхъ — собственнаго толкованія сочинителя и толкованій древне-отеческихъ и учительскихъ, что сообщаетъ толкованію бѣольшую цѣльность, — в) все сочиненіе согрѣто чувствомъ сердечности, показывающимъ, что сочинитель усиливался проникнуться тою основною заповѣдью христіанской правдепности, которая составляетъ главное содержаніе какъ всего евангельскаго ученія, такъ и въ частности — первосвященнической молитвы Господа, — заповѣдью о любви, — г) такъ какъ *„авторъ“*, по его собственнымъ словамъ, за *„научностію много“* (совѣтъ?) и *„не маля“*, — и главною, если только не единственною, его цѣлію было дать правильное толкованіе по существу, не заботясь о *„такъ называемой (?) научности изслѣдованія“* (стр. XXI), а потому и избавилъ себя отъ тяжелаго труда изученія научныхъ пособій, принадлежащихъ ученымъ не только православному исповѣданію, но даже и совсѣмъ отрицательнаго направленія: то, понятію, ему и не предстояло опасности уклониться отъ православія, исключая только нѣкоторыя частныя неловкости въ изложеніи и сужденіяхъ, представляющія, по нашему мнѣнію, не догматическій, а литературно-богословскій недостатокъ (стр. 17, 18, 23, 24, 31, 34, 60, 67, 68, 80, 82, 89—90, 110, 111, 113, 123, 203, 212—214, 222, 234). Сочиненіе можетъ быть признано достойнымъ степені кандидата богословія“.

32. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Молчанова Сергѣя*: „Святый Климентъ Римскій и его писанія“:

„Сочиненіе г. Молчанова, послѣ краткаго вступленія (стр. 1—2), раскрывающаго важность предмета изслѣдованія, раздѣляется на 4 главы, изъ коихъ первая (стр. 3—29) имѣеть задачею— раскрыть жизнь, дѣятельность и значеніе св. Климента Римскаго, вторая (стр. 31—81), имѣющая предметомъ своимъ „писанія св. Климента“, послѣ краткаго разсужденія объ этихъ писаніяхъ вообще (стр. 31), главнымъ образомъ занимается первымъ посланіемъ св. Климента къ Коринѳянамъ, при чемъ предлагается сперва „общій историко-критическій очеркъ“ его (стр. 32—60), а затѣмъ— раскрытіе отношенія его къ Вѣтхому Завету (стр. 61—81);— третья (стр. 82—97) разсуждаетъ о „сомнительныхъ писаніяхъ св. Климента“ и именно, обстоятельнѣе, о второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (стр. 82—96) и гораздо короче, съ изложеніемъ почти лишь содержанія твореній—о двухъ посланіяхъ къ дѣвамъ или похвалѣ дѣвству (стр. 96—97); наконецъ четвертая говоритъ о „подложныхъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ св. Климента“, и болѣе всего о такъ называемыхъ Климентинахъ, Бесѣдахъ и Встрѣчахъ (*Recognotiones*) (стр. 98—134). Къ сему далѣе (стр. 135—189) слѣдуютъ „Приложенія“, заключающія въ себѣ выдержки изъ писателей греческихъ и отчасти латинскихъ, въ подлинныхъ текстахъ ихъ писаній, начиная мужами апостольскими и кончая X-мъ христіанскимъ вѣкомъ, содержаніе коихъ такъ или иначе относится къ св. Клименту и его писаніямъ.

Сочинитель, какъ замѣтно, не вполне уяснилъ себѣ основную задачу предлежащаго ему труда, какъ труда не по патрологии, хотя и въ области этого предмета, а по церковной греческой словесности. Онъ болѣе всего занялся рѣшеніемъ вопроса о писаніяхъ св. Климента, подлинно и не подлинно ему принадлежащихъ, и лишь немного, сравнительно говоря, удѣлилъ мѣста раскрытію, съ одной стороны, условій, способствовавшихъ развитію литературной дѣятельности св. Климента (въ его краткомъ жизнеописаніи), а съ другой,—соотношенія между языкомъ писаній св. Климента (и именно подлиннаго, 1-го посланія его къ Ко-

риноянамъ) и языкомъ предшествующихъ ему стадій развитія *χοινη διέλεκτος* въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ по переводу LXX (стр. 61—81) и отчасти въ новозавѣтныхъ писаніяхъ (стр. 39, примѣч. и стр. 45—48). Также лишь не очень большое значеніе для исторіи литературнаго собственно употребленія писаній св. Климента имѣютъ „Приложенія“, не сопровождаемыя при томъ надлежащими соображеніями и выводами самого сочинителя, хотя и представляющими собой весьма цѣнный для того матеріалъ. Даже въ рѣшенія вопроса о подлинности писаній св. Климента можно было бы унрекнуть сочинителя въ нѣкоторой неравномѣрности вниманія, какое онъ удѣлилъ для подробнаго изслѣдованія однимъ изъ писаній св. Климента предпочтительно предъ другими (разумѣемъ содержащееся въ III и IV главахъ, какъ то можно видѣть уже и изъ представленнаго выше изложенія содержанія ихъ) и т. п. Но за то, наоборотъ, заслуживаютъ полнаго одобренія—тщательное изученіе обширной литературы предмета, весьма сложнаго, особенно иностранной, при томъ какъ древней (на греческомъ и латинскомъ языкахъ), такъ и новой и новѣйшей, не только французской и нѣмецкой, что не является рѣдкостью въ студенческихъ сочиненіяхъ, но и англійской, что встрѣчается въ нихъ гораздо рѣже;—обстоятельность и основательность изслѣдованія по отношенію къ принятымъ для рѣшенія вопросамъ; доброе направленіе; ясность и живость изложенія и другія похвальные качества сочиненія, которое читается съ глубокимъ и не ослабѣвающимъ отъ начала до конца его интересомъ, оживлявшимъ, очевидно, и самого сочинителя. Къ тому же, за исключеніемъ выше отмѣченнаго несовершенства своего, сочиненіе и въ историко-литературномъ отношеніи представляетъ собой цѣнное приобрѣтеніе для нашей отечественной словесности.

По всему этому разсмотрѣнное сочиненіе вполне заслуживаетъ присужденія автору его степени кандидата богословія“.

33. Ординарнаго профессора Василя Ключевскаго о сочиненіи студента *Москалевича Сергѣя*: „Освященный соборъ при всероссійскомъ патріархѣ“:

„Объ этомъ церковномъ учрежденіи въ историческихъ памятникахъ древней Руси сохранились скудные и недо-

статочно ясныя извѣстія. Авторъ старался собрать и объяснить ихъ, чтобы изобразить составъ, вѣдомство и дѣятельность Освященнаго собора, ограничиваясь патриаршимъ періодомъ исторіи русской церкви. Работа затруднялась еще скудостью ученыхъ пособій въ русской церковно-исторической литературѣ для рѣшенія поставленной задачи. Авторъ успѣшно преодолѣлъ эти затрудненія. Онъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ основательное изученіе разнообразныхъ источниковъ русской церковной исторіи и большое умѣнье находить въ нихъ данныя, отвѣчающія на вопросъ, осторожно истолковать и обдуманно группировать ихъ. Желательно было бы, чтобы связь устройства, дѣятельности и значенія Освященнаго собора со всѣмъ строемъ древне-русскаго церковнаго управленія была выяснена болѣе, чѣмъ сколько это удалось автору. Но и при этомъ недостаткѣ сочиненіе С. Москалевича можно признать весьма хорошимъ“.

34. Доцента Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Мутавчіева Панаіона*: „Святой Иванъ Рильскій, его жизнь, дѣятельность и значеніе для Болгарской церкви“:

„Сочиненіе г. Мутавчіева распадается на 5-ть неравномѣрныхъ частей, изъ коихъ первая представляетъ собою предисловіе, три дальнѣйшія главы обнимаютъ самое изслѣдованіе и послѣдняя содержитъ въ себѣ заключительные выводы.

Въ предисловіи (1—16 стр.), имѣющемъ вообще косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія, авторъ-болгаринъ отъ имени „южныхъ славянъ“ выражаетъ жалобу на то, что „русскіе очень мало знаютъ ихъ, мало знакомы съ ихъ историческою жизнію, ихъ церковными и политическими идеалами (стр. 1)“, и, затѣмъ, приводитъ „нѣсколько историческихъ доказательствъ“ въ пользу того положенія, что древняя Русь первоначальнымъ принятіемъ, познаніемъ и усвоеніемъ христіанства болѣе всего обязана древней Болгаріи (стр. 5), даже болѣе, чѣмъ Византіи (стр. 9). Обѣ мысли требуютъ ограниченія. Обращенный къ русской наукѣ упрекъ въ маломъ знакомствѣ съ исторіей Болгаріи ослабляется уже тѣмъ однимъ, что его не можетъ подтвердить сочиненіе самого г. Мутавчіева; его „изслѣдованіе“ составлено преимущественно на основаніи трудовъ именно русскихъ ученыхъ, какъ-то: Гильфердинга, Сырку, Дринова,

Голубиискаго и мн. др., изъ 20-ти именъ, цитируемыхъ имъ, 17-ть принадлежать русской наукѣ. Равнымъ образомъ страдаетъ преувеличеніемъ и второе заявленіе автора о томъ, будто бы Болгарія IX—X вв. оказала большее просвѣтительное вліяніе на Русь, чѣмъ Греція; Болгарія служила лишь передаточной инстанціей для церковной письменности шедшей на Русь, но эта письменность была собственностію греческой или византійской церковной мысли. П. реводчику г. Мутавчіевъ приписываетъ большее значеніе, чѣмъ автору.

Первая глава изслѣдованія (16—48) хочетъ нарисовать въ существенныхъ чертахъ ту историческую перспективу, на почвѣ которой развилась дѣятельность св. Ивана Рильскаго и получилъ начало его монастырь. Написанная живо и съ увлеченіемъ, глава эта, однако, носитъ на себѣ слѣды несамостоятельности, недостаточно аккуратна въ цитаци и по мѣстамъ уклоняется въ излишнія подробности. Вторая глава (48—172) посвящена очерку жизни и дѣятельности св. Ивана Рильскаго, отъ его рожденія до кончины. Начинается она, какъ тому и слѣдуетъ быть, разсмотрѣніемъ различныхъ редакцій житія св. Ивана, установкой ихъ происхожденія и взаимнаго отношенія, хотя здѣсь автору и не удалось достигнуть желательной ясности изложенія и опредѣленности во взглядахъ. Въ основу своей рѣчи онъ полагаетъ житіе, составленное патріархомъ Евѣиміемъ, на томъ основаніи, что оно „пользуется наибольшей популярностію (стр. 68)“. Основаніе, очевидно, слабое; въ церковно-историческихъ цѣляхъ важнѣе было бы подвергнуть это житіе подробному критическому обсужденію и отдѣлить въ немъ фактическую канву отъ риторическихъ прикрасъ. Предпочтеніе, оказанное авторомъ Евѣиміеву житію, привело его къ прямымъ противорѣчіямъ себѣ; такъ, на стр. 110—115 онъ, вслѣдъ за Евѣиміемъ, защищаетъ подложность переписки царя Пегра съ св. Иваномъ Рильскимъ,—той переписки, о которой на стр. 52-й сказано, что она „присочинена Евѣиміемъ“; см. еще стр. 103, 115, 175.—Третья глава (173—270) даетъ очеркъ исторіи Рильскаго монастыря и его заслугъ для Болгаріи отъ X вѣка по настоящее время. Какъ главный недостатокъ этой части сочиненія, должно быть отмѣчено то, что, не имѣя въ своемъ распоряженіи документальнаго матеріала для исторіи Риль-

скаго монастыря, авторъ стремится пополнить этотъ недостатокъ общими, ничего незначащими фразами или ссылкой на преданіе, относительно котораго неизвѣстно, откуда оно заимствовано и какую историческую цѣнность имѣть можетъ. Съ наибольшою внимательностію г. Мутаевичевъ останавливается на заслугахъ монастыря въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія Болгаръ въ эпоху „янычарскую“ и въ періодъ борьбы за освобожденіе, но и здѣсь его обвиненія противъ Грековъ являются бездоказательными, а очерки жизни игуменовъ Іосифа и Неофита слишкомъ напоминаютъ собой послужные списки.

Сочиненіе не лишено и добрыхъ сторонъ. Авторъ несомнѣнно старательно прочиталъ рядъ русскихъ и болгарскихъ изслѣдованій, относящихся къ его темѣ, и извлекъ оттуда все для него полезное. Не ограничиваясь этимъ, онъ собиралъ свѣдѣнія о монастырѣ на мѣстѣ посредствомъ переписки съ теперешнимъ архимандритомъ монастыря Кесаріемъ (стр. 263), привелъ въ сочиненіи нѣкоторые новые документы и видимо работалъ съ любовью къ дѣлу. Глубокое уваженіе его къ преп. Ивану и основанному имъ монастырю даетъ себя знать на многихъ страницахъ. Общее значеніе Рильскаго чудотворца въ исторіи Болгарской церкви, о чемъ говоритъ послѣдняя глава (271—288), опредѣлено вѣрно. — Языкъ сочиненія, несвободный отъ погрѣшностей въ отдѣльных фразахъ, въ общемъ и при томъ для автора-болгарина можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

Принимая во вниманіе эти хорошія стороны сочиненія, признаю за авторомъ его право на полученіе степени кандидата богословія“.

35. П. д. инспектора академіи экстраординарнаго профессора Герооса Татарскаго о сочиненіи студента *Василія Мухина*: „Религіозныя драмы на Руси“:

„Сочиненіе студента Василія Мухина, подъ заглавіемъ: „Религіозныя драмы на Руси“, представляетъ собою историческій очеркъ первыхъ попытокъ драматическаго искусства на Руси, имѣвшихъ здѣсь, какъ и на западѣ Европы, религіозный характеръ и происхожденіе.

Изложенію своего предмета авторъ предпосылаетъ довольно обширное введеніе, въ которомъ, объяснивъ почему не могла возникнуть самостоятельная свѣтская драма на Руси, не

смотря на бывшіе здѣсь богатые зародыши ея, сообщаетъ краткую исторію религіозной драмы на западѣ и постепенный переходъ ея черезъ Польшу въ Россію. Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, общую природу религіозной драмы, равно какъ и вопросъ о происхожденіи ея на Руси, онъ переходитъ затѣмъ къ самой ея исторіи, раздѣляя эту послѣднюю на двѣ главныя части: въ первой разсматриваетъ южно-русскія религіозныя драмы, а во второй—драмы, явившіяся на сѣверѣ Россіи. Такая постановка предмета совершенно правильна и, какъ нельзя болѣе, содѣйствуетъ его дальнѣйшему послѣдовательному раскрытію.

При разсмотрѣніи южно-русскихъ религіозныхъ драмъ авторъ раздѣляетъ ихъ на четыре періода. Въ первомъ періодѣ наблюдается полное подражаніе польскимъ, преимущественно іезуитскимъ, драматическимъ образцамъ и совершенная отрѣшенность отъ народной жизни. Второй періодъ характеризуется проникновеніемъ въ драму народныхъ интересовъ. Третій періодъ—смѣшанный, представляющій соединеніе національнаго содержанія въ драмѣ съ духомъ и характеромъ польскихъ образцовъ. Наконецъ, въ четвертомъ періодѣ, при существованіи прежнихъ драматическихъ формъ и направленій, замѣчается у южно-русскихъ писателей стремленіе къ умственнымъ интересамъ и литературнымъ формамъ сѣверной Руси. Правда, такое раздѣленіе представляется довольно смѣлымъ и нельзя сказать, чтобы нѣкоторыя изъ разсматриваемыхъ здѣсь драмъ не возбуждали никакого сомнѣнія въ отличительной принадлежности своей къ тому или иному изъ указанныхъ періодовъ; тѣмъ не менѣе оно весьма много содѣйствуетъ оживленію и упорядоченію въ этой части сочиненія крайне сухаго и дробнаго матеріала и ведетъ къ связному и систематическому представленію его.

Сѣверно-русскія религіозныя драмы авторъ, въ свою очередь, раздѣляетъ на два отдѣла: а) на драмы, въ которыхъ обнаруживается подражаніе южно-русскимъ или правильнѣе—польскимъ образцамъ и б) на драмы нѣмецкаго происхожденія. Къ первымъ относятся драмы Симеона Полоцкаго, Димитрія Ростовскаго и составленныя при Московской академіи; ко вторымъ—драмы комедійнаго мастера при дворѣ Алексѣя Михайловича, Ягана Готфрида Грегори.—Разсмо-

трѣнне драмъ въ этой части сочиненія отличается особенною полнотою и характеристичностію, ясно свидѣтельствуя о внимательномъ и умѣломъ изученіи авторомъ самыхъ подлинниковъ. Можно пожалѣть только, что онъ удѣляетъ здѣсь сравнительно немного мѣста „Рождественской драмѣ“ св. Димитрія Ростовскаго, весьма типичной въ разрядѣ такъ называемыхъ *magalitè*.

Вообще сочиненіе студента Василія Мухина, кромѣ похвальнаго трудолюбія, потребнаго для основательнаго изученія цѣлой обширной отрасли литературы, обнаруживаетъ въ немъ и несомнѣнный литературный талантъ. Искусно овладѣвъ представлявшимся ему матеріаломъ, онъ, не смотря на всю безжизненность его, сумѣлъ придать своему изложенію почти непрерывную занимательность. Въ виду этого трудъ его можетъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

36. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Мучканскаго Дмитрія*: „Состояніе просвѣщенія на Руси ко времени возникновенія такъ называемаго старообрядческаго раскола“:

„Вопросъ о состояніи просвѣщенія на Руси до половины XVII в. имѣетъ первостепенное значеніе при уясненіи условій возникновенія у насъ такъ называемаго старообрядческаго раскола и потому, естественно, издавна останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣдователей въ области науки о расколѣ; по степени научнаго интереса этого вопроса далеко не соответствуетъ степень его научнаго разрѣшенія. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ весьма важнымъ сторонамъ указаннаго предмета доселѣ еще возможны сужденія не только разногласящія въ частностяхъ, но и противорѣчивыя по существу: на ряду съ мнѣніемъ, считающимъ Русь конца XV—начала XVII в. царствомъ безпросвѣтнаго умственнаго мрака и невѣжества, существуетъ и другое, признающее широкое распространеніе грамотности во всѣхъ слояхъ русскаго общества указаннаго времени и довольно высокій уровень духовнаго просвѣщенія. Авторъ разсматриваемаго произведенія имѣлъ своею задачею разобраться въ помянутыхъ разнорѣчивыхъ взглядахъ и сужденіяхъ, съ цѣлію установить опредѣленный взглядъ на предметы разногласій, и выполнилъ эту задачу съ надлежащимъ усиліемъ. Ясно и съ знаніемъ дѣла обрисовавши во вступительномъ очеркѣ

(„Вмѣсто введенія“) положеніе вопроса о русскомъ просвѣщеніи указаннаго времени въ нашей ученой литературѣ. авторъ въ двухъ отдѣлахъ, на основаніи первоисточниковъ и обширной литературы, научныхъ пособій, изображаетъ „характеръ древне-русскаго просвѣщенія до XVI в.“ (отдѣлъ 1-й) и „условія русскаго просвѣщенія въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. и вызванныя ими переменны въ характерѣ и содержаніи его“ (отдѣлъ 2-й). Указанные два отдѣла изслѣдованія разработаны авторомъ не съ одинаковою полнотою: первый значительно меньше втораго, что, впрочемъ, предполагается и самою темою. При изученіи первоисточниковъ—памятниковъ древне-русской письменности, служащихъ показателями древнерусскаго просвѣщенія за указанное время—авторъ не идетъ далѣе печатно обнародованныхъ матеріаловъ, не касаясь матеріаловъ рукописныхъ, безъ сомнѣнія представляющихъ еще много интереснаго для уясненія даннаго предмета и недоступныхъ для изслѣдованія. Но и этого нельзя поставить автору въ большую вину: количество печатно-обнародованнаго матеріала теперь уже настолько велико, что сколько-нибудь тщательное ознакомленіе только съ нимъ однимъ представляетъ трудъ, требующій не малыхъ усилій и времени. Даже одно серьезное ознакомленіе съ обширной литературой „научныхъ пособій“ въ то сравнительно-короткое время, какое имѣлось въ распоряженіи автора, могло бы быть призвано заслугой вполне достаточной для его ближайшей цѣли; а г. Мучканскій сдѣлалъ болѣе. Онъ тщательно познакомился съ предметомъ своего изслѣдованія не изъ вторыхъ только рукъ, разобрался въ разнообразіи историко-литературныхъ фактовъ и разногласіи научныхъ сужденій о нихъ, выработалъ опредѣленный взглядъ, чуждый крайнихъ увлеченій въ ту или другую сторону, послѣдовательно провелъ этотъ взглядъ чрезъ всю свою работу и изложилъ результаты ея языкомъ живымъ и литературнымъ. Признаю сочиненіе очень хорошимъ, дающимъ автору право на полученіе искомой степени“.

37. П. д. доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Нагорова Петра*: „Ученіе церкви до Аѳанасія Великаго о воскресеніи мертвыхъ“:

„Свое сочиненіе авторъ предваряетъ краткимъ изложеніемъ

ученія Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ о воскресеніи мертвыхъ. Самое изслѣдованіе раздѣляется у него на двѣ неравныхъ части. Въ первой онъ излагаетъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ церковныхъ писателей реалистическаго направленія, къ которымъ онъ относитъ мужей апостольскихъ, св. Іустина Философа, Аѳинагора, автора фрагментовъ о воскресеніи, св. Иринея, Тертуліана и вообще всѣхъ писателей этой эпохи кромѣ Оригена. Во второй части онъ излагаетъ ученіе о воскресеніи Оригена, котораго считаетъ единственнымъ представителемъ идеалистическаго направленія.

Такого раздѣленія церковныхъ писателей нельзя одобрить. Во 1-хъ, нельзя причислять мужей апостольскихъ къ писателямъ реалистическаго направленія христіанской мысли, потому что противоположность идеалистическаго и реалистическаго направленія христіанской мысли есть дѣло позднѣйшей эпохи и выяснилась лишь вмѣстѣ съ возникновеніемъ попытокъ философско-богословскаго обоснованія истинъ вѣры. Но мужи апостольскіе выражали истины вѣры въ положительной формѣ и были совершенно чужды стремленія къ ихъ философскому оправданію. Во 2-хъ, авторъ не выяснилъ съ достаточною наглядностію различія въ ученіи о воскресеніи между Оригеномъ съ одной стороны и прочими писателями съ другой. Онъ довольно подробно говоритъ о борьбѣ Оригена съ „филосарками“ и ясно показываетъ, насколько возрѣнія великаго христіанскаго философа были одухотвореннѣе чувственныхъ представленій непросвѣщенныхъ христіанъ, прорѣкнутыхъ хилиастическими возрѣніями. Но изъ этого видно, что Оригенъ былъ идеалистомъ по сравненію съ непросвѣщенными христіанами, которыхъ онъ опровергалъ. Но писатели, причисленные авторомъ къ реалистическимъ, вовсе не отличались такими чувственными возрѣніями. Всѣ они признавали, что воскресшее тѣло будетъ одухотворено и освобождено отъ грубо чувственныхъ истинятковъ. Такимъ образомъ, авторъ не выяснилъ, въ чемъ состоялъ идеализмъ Оригена по сравненію съ писателями, причисленными имъ къ реалистамъ.

Обнаруживая похвальное стремленіе опредѣлить, въ чемъ заключаются *особенности* ученія о воскресеніи cadaго

памятника, авторъ выполнилъ эту задачу далеко неудовлетворительно. Иногда онъ видитъ различное тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности нѣтъ, иногда же даетъ натянутое объясненіе тѣмъ различіямъ, которыя между ними дѣйствительно существуютъ. Такъ напр. всѣ особенности ученія о воскресеніи Тертуліана онъ старается объяснить его юридическимъ образованіемъ.

На ряду съ этими крупными недостатками стоятъ неизбежныя мелкіе промахи. Авторъ удѣляетъ иногда слишкомъ мало вниманія такимъ сторонамъ вопроса, которыя требуютъ тщательнаго разъясненія, и подробно говоритъ о менѣе важномъ. Стилъ сочиненія по мѣстамъ тяжелъ и неправиленъ, языкъ не всегда отличается чистотою.

Почти всѣ эти недостатки касаются обсужденія ученія о воскресеніи тѣхъ писателей, съ которыми познакомился авторъ. Но изложеніе ихъ ученія вполне удовлетворительно. Г. Нагоровъ тщательно прочелъ всѣ сочиненія, въ которыхъ содержатся матеріалы для его темы. При этомъ онъ не удовлетворялся переводами, а обращался къ подлинникамъ. Не довольствуясь первоисточниками, онъ прочелъ много пособій, имѣвшихъ отношеніе къ изучаемымъ имъ авторамъ и въ частности къ исторіи христіанской эсхатологіи первыхъ вѣковъ. Все это требовало большаго труда и усидчивости. Самое изложеніе ясно и отчетливо, написано по простому и послѣдовательному плану. Ученіе о воскресеніи изслѣдованныхъ писателей правильно понято и усвоено авторомъ.

Со стороны направленія сочиненіе вполне безупречно.

Въ виду всего этого авторъ вполне достоинъ степени кандидата богословія“.

38. И. д. доцента П. И. Громогласова о сочиненіи студента *Нечаева Виктора*: „Единоувѣріе. Краткій историческій очеркъ, догматико-каноническія основанія и значеніе единоувѣрія, какъ средства примиренія раскола съ православною церковью“:

„Сочиненіе г. Нечаева представляетъ собою плодъ серьезнаго изученія того явленія въ исторіи отношеній православной церкви къ такъ называемому старообрядческому расколу, которое именуется на оффиціальномъ языкѣ единоувѣріемъ. Авторъ съ образцовымъ усердіемъ и научной добросовѣст-

ністю успѣлъ выполнить большую и наиболѣе трудную часть своей задачи, частнѣе указанной въ подзаголовкѣ его произведенія; невыполненнымъ остался отдѣлъ о значеніи единовѣрія, который по мысли автора долженъ представлять прямой выводъ изъ представленнаго историческаго очерка развитія внутренней идеи „согласія“ въ единовѣрії и изъ анализа его догматико-каноническихъ основаній и такимъ образомъ уже содержится *implicite* въ представленныхъ отдѣлахъ. При томъ же указанный, болѣе формальный, недостатокъ сочиненія въ сознаніи читающаго представляется вполне извинительнымъ въ виду существенныхъ достоинствъ авторской работы въ представленныхъ для оцѣнки отдѣлахъ сочиненія. Авторъ изучилъ не только то, что могли представить въ его распоряженіе печатные источники и пособия, имѣющіеся въ нашей академической библиотекѣ, но и многое другое, что онъ могъ достать только изъ частныхъ рукъ; результаты своего изученія расположилъ въ стройномъ порядкѣ, по тщательно продуманному плану, обнаруживающему ясное представленіе изучаемаго предмета не только въ общемъ, но и въ деталяхъ; языкъ сочиненія обработанный, ясный и живой. Есть въ сочиненіи нѣсколько мелкихъ недочетовъ и одинъ странный (происшедшій, вѣроятно, отъ поспѣшности) промахъ, когда авторъ отождествляетъ двухъ совершенно различныхъ лицъ: митрополита Новгородскаго Питирима члена соборовъ 1666—7 г. и Питирима Нижегородскаго—автора „Пращицы“ (стр. 190—191). Но недостатки эти не настолько велики, чтобы ослабить общее благоприятное впечатлѣніе отъ произведенія г. Печасва. Въ общемъ трудъ его заслуживаетъ похвалы, а самъ авторъ — искомой имъ степени“.

39. О. ректора академіи архимандрита Лаврентія о сочиненіи студента *Пальмова Ивана*: „Пастырская дѣятельность и воззрѣнія на пастырство св. Кипріяна, епископа Кароагенскаго“:

„Сочиненіе студента Ивана Пальмова: „Пастырская дѣятельность и воззрѣнія на пастырство св. Кипріяна, епископа Кароагенскаго“ состоитъ изъ 13-ти главъ. Въ первыхъ главахъ авторъ изображаетъ состояніе язычества, отношеніе язычниковъ къ христіанамъ, христіанъ къ язычникамъ, описываетъ гоненія на христіанъ, въ послѣднихъ — описываетъ

состояніе Карфагенской церкви, пастырскую дѣятельность Кипріана, его отношеніе къ клиру, дѣвственницамъ, исповѣдникамъ, къ надшимъ. Въ послѣдней главѣ изображаетъ воззрѣнія св. Кипріана на пастырство.

Авторъ при своемъ изслѣдованіи пользовался и древними писателями духовными (Иеронимъ, Августинъ, Пойтій) и свѣтскими (Тацитъ, Лукрецій, Маркъ Аврелій и др.) и новѣйшими (Гиббонъ, Дрэннеръ и др.). Творенія св. Кипріана изучены имъ не только по русскому переводу, напечатанному при „Трудахъ“ Кіевской духовной академіи, но и по подлиннику. Все сочиненіе читается легко, написано оно живо, языкомъ правильнымъ; иностранныхъ словъ почти не встрѣчается, ничего противнаго православному ученію не замѣчено. Къ недостаткамъ сочиненія можно отнести несоразмѣрность частей сочиненія, такъ о состояніи язычества, объ отношеніи язычниковъ къ христіанамъ и пр. говорится вдвое болѣе, чѣмъ о пастырской дѣятельности св. Кипріана — главнымъ предметъ сочиненія. Вообще же сочиненіе заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

10. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Покровскаго Дмитрія*: „Ученіе святыхъ отцовъ и учителей объ искупительной жертвѣ Иисуса Христа“:

„Г. Покровскій Дмитрій въ трехъ главахъ своего сочиненія излагаетъ и оцѣниваетъ три главныхъ воззрѣнія отцовъ и учителей Церкви на искупительную жертву Иисуса Христа: во первыхъ, ученіе Иринея, Оригена, Василія Великаго, Григорія Нисскаго и другихъ нѣкоторыхъ о томъ, что Иисусъ Христосъ принесъ свою жизнь въ жертву дѣволу и выкупилъ человѣка у его врага; во-вторыхъ, ученіе Кирилла Александрійскаго и другихъ, что Иисусъ Христосъ принесъ жертву Богу Отцу для удовлетворенія Его правосудія; въ третьихъ, ученіе Григорія Богослова, Иоанна Златоуста, Леонасія Александрійскаго, Иоанна Дамаскина и другихъ, что жертва Иисуса Христа была совершена Имъ исключительно въ цѣляхъ домостроительства человѣческаго рода. Раскрытію этого послѣдняго ученія посвящена большая половина всего сочиненія. При оцѣнкѣ воззрѣній святыхъ отцовъ и учителей Церкви объ искупительной жертвѣ Иисуса

Хреста авторъ пользовался указавіями самихъ же отцовъ и учителей Церкви.

Достоинство сочиненія въ томъ, что авторъ его, сколько позволяло время, ознакомился съ матеріаломъ, переработалъ его и изложилъ въ связной и довольно живой рѣчи, не загромождая сочиненія до излишества выдержками изъ отеческой литературы, но и не оставляя безъ подтвержденія ими своихъ общихъ и частныхъ положеній. Не столь хорошо освоился онъ только съ тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, который представляетъ ученіе о жертвѣ Иисуса Христа отцовъ третьей группы и не распредѣлялъ содержанія ихъ ученія по рубрикамъ. Кромѣ того, въ иныхъ случаяхъ мысли святыхъ отцовъ авторъ передаетъ геточно. Собственные сужденія автора православны. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

41. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Покровскаго Николая*: „Источники пессимизма и средства борьбы съ нимъ“:

„Выясняя источники пессимизма, авторъ разсматриваетъ его, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ: какъ философскую теорію и какъ жизненное культурно-историческое явленіе. Отсюда и источники его онъ находитъ то въ ложномъ направленіи философіи (1-я гл. 1-й части), то въ ложномъ направленіи жизни (2-я гл. 1-й части).—Въ первой главѣ 1-й части (стр. 26—192) авторъ выясняетъ *генезисъ* ходячихъ современныхъ философско - пессимистическихъ *теорій*, введенныхъ въ сознаніе общества главнымъ образомъ Шопенгауэромъ и Гартманомъ: онъ тщательно прослѣживаетъ эти идеи вплоть до Канта и показываетъ, какъ онѣ, постепенно осложняясь и переплетаясь, образовали, наконецъ, ту ткань, какую мы находимъ въ системѣ Гартмана. Во 2-й главѣ 1-й части (стр. 192—412) авторъ выясняетъ, на основаніи изученія изящной литературы текущаго столѣтія, чѣмъ — какими жизненными и культурно-историческими вліяніями подготовлялись господствующія теперь въ жизни пессимистическія *настроенія*. Онъ отмѣчаетъ здѣсь три литературныхъ эпохи: романтическую, реалистическую и современную (?) и показываетъ, что именно каждая изъ этихъ эпохъ внесла въ современное пессимистическое настроеніе. — Формулируя кратко достигнутой

результатъ, авторъ приходитъ къ выводу, что „источники пессимизма заключаются въ *извращенности* и слѣдующей изъ нея *слабости воли* и въ *ненормальности мысли*, которыя, получивъ одностороннее направленіе, отняли у человѣка смыслъ жизни“ (стр. 407). Отсюда непосредственно авторъ приходитъ къ выводу, служащему темой второй части его сочиненія (413—458),—къ выводу, по которому главнымъ средствомъ для борьбы съ пессимизмомъ должно считать воспитаніе воли и именно на началахъ христіанскихъ: „заботиться о насажденіи среди людей христіанской вѣры и устроеніи ихъ жизни по ней—это значитъ дѣятельно и успѣшно бороться съ пессимизмомъ“.—Сочиненію предпослано „Введеніе“, въ которомъ дается предварительное оправданіе указанной постановки дѣла.

Главныхъ недостатковъ въ сочиненіи три: 1) замѣтная съ перваго взгляда на общую схему сочиненія неравномѣрность частей его (первая часть занимаетъ почти 400 стр., а послѣдняя только 40, т. е. въ *десять разъ меньше!*); 2) упущеніе изъ вида, кромѣ двухъ разсмотрѣнныхъ сторонъ пессимизма, третьей — психологической, тогда какъ этой сторонѣ вопроса, какъ извѣстно изъ исторіи пессимизма, придается большое значеніе (этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, что автору была рекомендована особая книга, которая, еслибы онъ ознакомился съ нею, непременно обратила бы его вниманіе на эту сторону вопроса); 3) 1-я гл. I-й части развита не вполне самостоятельно (т. е. написана не по первымъ источникамъ,—главнымъ образомъ по Гартману): правда, авторъ не попадаетъ, вслѣдствіе этого, въ какіе-либо достойные упоминанія историческіе промахи; но онъ, конечно, и самъ не можетъ быть увѣренъ, что Гартманъ не освѣтилъ ему всего историко-философскаго движенія идей ложнымъ свѣтомъ,—не можетъ быть увѣренъ до тѣхъ поръ, пока не проверитъ его выводовъ собственнымъ изученіемъ Капта, Шеллинга и т. д., чего у автора, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Но, при указанныхъ недостаткахъ, сочиненіе г. Покровскаго обладаетъ и своими достоинствами. Во-первыхъ, оно отлично обработано въ формально-литературномъ отношеніи: въ немъ нѣтъ ничего лишняго; сначала и до конца оно написано языкомъ правильнымъ, яснымъ и иногда даже

художественнымъ. Далѣе, оно повсюду обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка вдумчиваго, внимательно, „философски“ относящагося къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляется 2-я глава I-ой части, посвященная выясненію культурно - историческихъ источниковъ пессимизма: авторъ явится здѣсь человѣкомъ весьма начитаннымъ, съ тонко развитымъ эстетическимъ вкусомъ, проницательнымъ критикомъ и истолкователемъ художественныхъ произведеній и тонкимъ аналитикомъ. По опредѣленности сужденій, по свѣжести и оригинальности взглядовъ, по умѣнью пользоваться историко литературнымъ матеріаломъ для раскрытія вопросовъ, входящихъ въ область поставленной ему темы, по смѣлости сближеній и яркости литературныхъ характеристикъ, сдѣланныхъ имъ для иллюстраціи своихъ положеній, — по всему этому разсматриваемая нами глава должна быть отнесена къ числу лучшихъ страницъ сочиненія, дѣлающихъ честь автору и обнаруживающихъ въ немъ недоужинное дарованіе. Наконецъ, въ гретьихъ, надъ всѣмъ сочиненіемъ господствуетъ его основная православно-богословская точка зрѣнія: при чтеніи сочиненія постоянно чувствуешь, что, осуждая тѣ или другія философскія или культурно-историческія явленія, авторъ утверждаетъ на прочномъ и твердомъ основаніи, которое даетъ ему православно-христіанскій взглядъ на жизнь.

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія г. Покровскаго, признаемъ его вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

42. II. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента іеромонаха *Алінія (Попсва)*: „Нравственное ученіе преподобнаго Макарія Египетскаго“:

„Сочиненіе автора начинается пространнымъ введеніемъ, гдѣ онъ говоритъ главнымъ образомъ объ усиленіи въ современномъ обществѣ интереса къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, о недостаточности существующей литературы по нравственному богословію для удовлетворенія этого интереса и о необходимости для этой цѣли научной разработки святоотеческихъ писаній.

Самое сочиненіе распадается на четыре главы. Въ первой излагаются основныя начала нравственнаго ученія преподобнаго Макарія; во второй — его ученіе о человѣческой

природѣ—а) до паденія, б) послѣ паденія и в) по возста-новленіи въ христіанствѣ; въ третьей—ученіе о процессѣ нравственнаго возрожденія и развитія христіанина; въ четвертой—ученіе о нравственномъ состояніи и участи чело-вѣка въ загробной жизни.

Планъ сочиненія въ общемъ слѣдуетъ признать удовле-творительнымъ. По выполненію его въ частностяхъ не сво-бодно отъ недостатковъ. Главные изъ нихъ—растянутость, повторенія и излишняя схоластичность. Обиліе подраздѣле-ній, не вытекающихъ изъ сущности предмета, бросается въ глаза особенно въ виду того, что самъ авторъ во введеніи обвиняетъ существующія нравственныя системы въ схола-стичности, недостаткѣ „широкихъ этическихъ обобщеній“, „жизненности и широты изслѣдованія“ и „въ слабости эти-ческаго проразумѣнія“ (27—28). Пользя сказать, чтобы авторъ въ своемъ трудѣ избѣжалъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ упрекаетъ существующіе курсы нравственнаго богословія. Такъ, несомнѣнно, что автору не всегда удается проразумѣть систему мыслей, свойственную св. Макарію. Хотя авторъ и заявляетъ во введеніи, что „система изложе-нія ученія св. отца должна быть не чуждая ему, отнѣ прикладываемая къ нему“ (94); однакожъ на самомъ дѣлѣ ученіе св. Макарія онъ излагаетъ очень часто по рубри-камъ, совѣмъ ему несвойственнымъ и заимствованнымъ перѣдко изъ тѣхъ самыхъ системъ, къ которымъ авторъ раньше отнесся такъ неблагоклонно. Отсюда происходятъ то, что авторъ иногда бываетъ принужденъ навязывать св. Макарію такія разсужденія и мысли, которыхъ у него нѣтъ и которыя лишь *могли бы* быть у него. Впрочемъ это бы-ваетъ у автора даже независимо отъ указанной причины (201, 244, 291—292, 406—407; 238 стр. 248, 525). Иногда одна и таже выдержка изъ св. отца подраздѣляется на нѣсколько рубрикъ, тогда какъ приведенная въ цѣломъ, она произвела бы гораздо лучшее впечатлѣніе (напр. 617 стр. ср. преп. Макарія въ р. пер. стр. 93).

Далѣе, сочиненіе автора со стороны содержанія получи-ло бы высшее достоинство, если бы онъ, изучивъ творенія св. Макарія, не ограничился приведеніемъ въ извѣстный порядокъ выписокъ изъ нихъ, а постарался бы еще отмѣ-тить, что преп. Макарій имѣетъ общаго съ другими хри-

стіанскими правоучителями древности и чѣмъ отъ нихъ отличается. Въ послѣднемъ случаѣ трудъ автора могъ бы получить научный интересъ. Къ сожалѣнію, въ сочиненіи автора незамѣтно никакой попытки сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи.

Что касается языка, какимъ написано рассматриваемое сочиненіе, то, признавая его въ общемъ правильнымъ и яснымъ, не можемъ не замѣтить, что по мѣстамъ онъ страдаетъ вычурностію и папыщенностію, не чуждъ и другихъ промаховъ и погрѣшностей (50, 90, 96, 97, 150, 197, 199, 244, 256, 374, 405, 466—467, 539).

При всемъ этомъ сочиненіе о. Алипія обладаетъ и значительными достоинствами. Оно написано по хорошему въ общемъ плану. Ученіе преп. Макарія достаточно хорошо изучено и понято. Авторъ обнаружилъ очень большое трудолюбіе, значительную начитанность въ русской богословской и даже философской литературѣ, хорошее пониманіе нравственныхъ вопросовъ.

Сочиненіе отличается строго православнымъ направлениемъ мыслей и для полученія степени кандидата богословія должно быть признано удовлетворительнымъ“.

43. Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Попова Анатолія*: „Миніатюры лицевыхъ рукописей Московской духовной академіи“:

„Лицевыя рукописи нашей бібліотеки, будучи довольно разнообразны по своему составу, по содержанію и характеру украшающихъ ихъ миніатуръ, не представляютъ исключительнаго явленія въ области книжной живописи, но составляютъ одно изъ промежуточныхъ звеньевъ въ длинной цѣпи греческихъ и славянскихъ иллюстрированныхъ кодексовъ. Уже одно это обстоятельство обязывало автора къ предварительному изученію исторіи миніатурной живописи хотя бы по существующимъ руководствамъ. Въ результатѣ знакомства съ послѣдними и получилось въ сочиненіи г. Попова небольшое введеніе, въ которомъ въ общихъ чертахъ сказано о началѣ и послѣдующемъ развитіи миніатуры въ связи съ движеніемъ всей византійской живописи, главныхъ центрахъ процвѣтанія этой отрасли промышленнаго искусства и важномъ значеніи ея. Краткія рѣчи о тѣсной связи древне-русской книжной живописи съ

византійскою и подробный перечень пособій къ изученію первой являются у автора какъ бы переходомъ къ самому обзорѣннѣио лицевыхъ академическихъ рукописей, именно: Книгъ 16-ти пророковъ (1489 г.), Годуновской Псалтири (1594—1600 гг.), трехъ Евангелій XV—XVI вв., двухъ толковыхъ Апокалипсисовъ XVI—XVII вв. и двухъ списковъ Христіанской Топографіи Косьмы Пидикоплова XV вѣка. За исключеніемъ Евангелій, соединенныхъ въ одну рубрику, для каждой изъ названныхъ рукописей отведенъ въ сочиненіи особый отдѣлъ, въ которомъ авторъ сначала готовитъ читателя съ внѣшнимъ видомъ самой рукописи, съ количествомъ, качествомъ и общимъ характеромъ содержащихся въ ней иллюстрацій, и затѣмъ уже послѣдовательно, одну вслѣдъ за другою, описываетъ самыя миниатюры, останавливаясь съ болѣшимъ вниманіемъ на тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо казались ему наиболѣе замѣчательными или любопытными. Въ частности, говоря о миниатюрныхъ изображеніяхъ пророковъ, онъ сопоставляетъ ихъ съ предписаніями на этотъ счетъ иконописнаго подлинника; приступая къ описанію Годуновской псалтири, представляетъ характеристику иллюстрацій псалтири вообще; предъ описаніемъ миниатюръ Топографіи Пидикоплова говоритъ о сравнительномъ достоинствѣ двухъ академическихъ списковъ ея и объ отношеніи ихъ къ третьему — къ экземпляру Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, изданному Обществомъ древней письменности и искусства. Быть можетъ, благодаря такой, относительно широкой постановкѣ темы, а главное вслѣдствіе недостатка времени, авторъ не успѣлъ довести своего обзорѣннѣио лицевыхъ академическихъ рукописей до конца: нѣкоторыя изъ нихъ и притомъ очень важныя и по древности и по достоинству своихъ миниатюръ остались неописанными; но нельзя ставить въ вину этого нашему автору. Трудъ описанія миниатюръ, при кажущейся его легкости, въ дѣйствительности почти столь-же тяжелъ и утомителенъ, сколь трудна и кропотлива работа самого миниатюриста мастера. Для успѣшнаго выполненія его, помимо незауряднаго терпѣнія и умѣнья сжато, вѣрно и полно передавать на бумагѣ содержаніе и характеръ иллюстрацій, необходимо нужны еще спеціальныя познанія въ томъ, что принято

называть виѣшнимъ бытомъ народовъ. При обзорѣни лицевыхъ академическихъ рукописей требовалось именно знакомство съ одеждами и отчасти постройками и утварію евреевъ, грековъ, римлянъ, византійцевъ и напихъ старинныхъ предковъ. Нельзя сказать, чтобы г. Поповъ вполне удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ и обнаружилъ обширныя свѣдѣнія въ быту названныхъ народовъ. Трудъ его со стороны содержанія далеко не безупреченъ. И прежде всего введеніе къ сочиненію, особенно въ той его части, гдѣ рѣчь идетъ о зависимости древне-русской миниатюры отъ византійской, автору можно и должно было составить болѣе обстоятельно, чѣмъ это сдѣлано теперь, на основаніи русскихъ изслѣдованій и лицевыхъ рукописей, бывшихъ у него подъ руками. Предложеннаго имъ дѣленія миниатюръ Топографіи Индикоплова на шесть группъ, какъ неоправдываемаго содержаніемъ и характеромъ самыхъ иллюстрацій, нельзя вполне принять. Главнымъ образомъ нельзя согласиться и съ тѣмъ выводомъ, къ которому онъ пришелъ по сличеніи трехъ списковъ Индикоплова: академическій экземпляръ № 75 по характеру своихъ миниатюръ не можетъ быть причисленъ къ одной и той же редакціи съ остальными двумя. Пояснительный текстъ къ миниатюрамъ, а также надписи и подписи, находящіяся при нихъ, авторъ старался выписывать съ соблюденіемъ ихъ палеографическихъ особенностей, но послѣднихъ, конечно, не соблюлъ, и потому поступилъ бы гораздо лучше, еслибы привелъ ихъ въ современномъ переложеніи. Отношеніе къ тексту и смыслъ однѣхъ миниатюръ имъ не выясненъ или же совершенно не понятъ (стрр. 44, 53—54, 63, 81—82, 89, 111, 179, 240—244, 252); въ другихъ превратно истолкованы лишь подробности, нужно думать, отъ недостаточно-внимательнаго ихъ разсмотрѣнія (стр. 44—45, 66—67, 93, 122, 272). Многія миниатюры описаны неумѣло и неполно (стр. 70, 142, 200, 230—240, 250—251, 257, 261—262, 281—282, 299, 314); нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, представлены невѣрно (стр. 43—44, 49, 77—79, 144, 152); не мало ошибокъ и глухихъ обозначеній въ описаніи и указаніи одеждъ вслѣдствіе нетвердаго знакомства автора съ костюмомъ того или другаго времени (стр. 67, 69, 94, 236, 238, 257 и мн. друг.).

Со стороны изложенія сочиненіе г. Попова также не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Онъ перѣдко повторяется и въ своихъ сужденіяхъ о лицевыхъ рукописяхъ и еще чаще въ описаніи миниатюръ послѣднихъ; особенно это наблюдается у него въ обзорѣннй Годуновской псалтири, гдѣ по нѣскольку разъ въ однѣхъ и тѣхъ же чертахъ изображены одни и тѣ же событія изъ исторіи царя Давида и земной жизни Богочеловѣка. Есть въ сочиненіи слова и выраженія неточныя, неудачныя и даже прямо вульгарныя, какъ то: сабля—вмѣсто—мечъ, воины въ кукуляхъ вм. шлемахъ, кадилница вм. ладоница, кругъ вм. шаръ, колпаки вм. шапки, плѣшь вм. лысина, поддѣвка, армякъ. курносый и т. п. (стр. 28. 48. 52. 162. 165. 176. 227. 239. 297. 251. 253. 257—258. 263. 268. 270—271. 275. 298. 317). Переписка сочиненія, произведенная по бѣльшей части не самимъ авторомъ, такъ же нуждается въ серьезномъ исправленіи и страдаетъ многими описками; такъ, напр. въ немъ читаемъ: типическій вм. типологическій, совѣтъ вм. свѣтъ, съ мальчикомъ на плечахъ вм. съ мѣшкомъ на плечахъ, съ дискосами вм. дисками, текстъ вм. крестъ, вознесеніе вмѣсто взятіе (стр. 9. 15. 28. 44. 70. 72. 156. 161. 224. 296. 249. 264. 270. 280. 288). Если однѣ изъ указанныхъ и имъ подобныхъ описокъ легко исправить самому читателю по связи и смыслу рѣчи, за то другихъ онъ можетъ и совсѣмъ не подозрѣвать, будучи предварительно не знакомъ съ описываемою авторомъ лицевою рукописью. Послѣдняго рода обмолвки неизбѣжно ведутъ къ невѣрному представленію самыхъ миниатюръ. Многіе изъ перечисленныхъ въ сочиненіи недостатковъ будутъ понятны и вполнѣ простибельны, если принять во вниманіе, что начинающему автору на первыхъ же порахъ пришлось имѣть дѣло съ описаніемъ *цѣлыхъ сотней* миниатюръ въ строгомъ смыслѣ этого слова и что отъ подобнаго рода недочетовъ и недосмотровъ несвободны совсѣмъ и труды многоопытныхъ и ученыхъ археологовъ и историковъ искусства. Мы отмѣтили ихъ здѣсь лишь для того, чтобы предохранить отъ нихъ г. Попова на будущее время. Хорошо изучивши всю отечественную литературу по вопросу о византійско-русской миниатюрѣ, непосредственно познакомившись съ нею на лицевыхъ рукописяхъ Московской академіи и въ общемъ

удовлетворительно описавши большую часть послѣднихъ, необычайно трудолюбивый и горячо преданный изученію церковной старшины авторъ, надѣется, не остановится на томъ, что представилъ теперь для полученія степени кандидата богословія и что для таковой цѣли исполнѣ достаточно, но и закончилъ съ теченіемъ времени свой полезный трудъ“.

44. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Попова Ивана*: „Нагорная Бесѣда Господа“:

„Трудъ сочинителя представляетъ послѣдовательное—филологическое, археологическое и богословское объясненіе V—VII главъ Евангелія отъ Матѳея.

Недостатки труда: а) слабое изученіе иностранныхъ филологическихъ и археологическихъ пособій для научно-всесторонняго истолкованія Нагорной Бесѣды Господа и б) неравномѣрность въ полнотѣ и обстоятельности толкованія разныхъ частей бесѣды (глава VI истолкована менѣе обстоятельно, чѣмъ V-я, а въ отношеніи VII главы сочинитель ограничивается только бѣглыми и краткими примѣчаніями).

Достоинства: а) обильное пользованіе отцами и учителями греческими, латинскими и русскими въ богословскихъ толкованіяхъ Нагорной Бесѣды,—б) довольно обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ соприкасающихся съ толкованіемъ V-й главы вопросовъ нравственно-каноническаго свойства особенно о разводѣ и клятвѣ.—в) основательность въ опроверженіи лжемудрованій (особенно графа Толстого) касательно заповѣдей Господнихъ о блаженствахъ, о гнѣвѣ, разводѣ, клятвѣ, миролюбіи, не злопротивленіи, милостыи, постѣ и молитвѣ,—г) строгое согласіе съ духомъ православно-церковнаго ученія о законѣ евангельскомъ и д) въ общемъ—богословская обработанность изложенія.

Сочиненіе достойно степени кандидата богословія“.

45. П. д. доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Попова Митрофана*: „Коммодіанъ, христіанскій поэтъ III-го вѣка“:

„Сочиненіе г. Попова, состоящее изъ 275 страницъ довольно убористаго письма, можно раздѣлить на три части: въ первой сообщаются біографическія свѣдѣнія о Коммо-

діанѣ, во второй—библіографическія о его сочиненіяхъ. ихъ подлинности и изданіяхъ, въ третьей—систематически излагаются догматическія воззрѣнія поэта. Заключеніемъ служить выясненіе источниковъ эсхатологическихкихъ представленій Коммодіана.

Первыя двѣ части, исключая можетъ быть нѣсколькихъ страницъ, не принадлежать автору, а представляютъ собою дурной, но дословный переводъ главнымъ образомъ введенія къ изданію стихотвореній Коммодіана Домбарта и отчасти брошюры Ленмбаха (*Ueber Commodians Carmen apologeticum adversus Gentes et Iudeos*). Точ же также не принадлежитъ автору и заключеніе сочиненія (стр. 208—237), выписанное буквально изъ статьи А. Суходжаго: „Коммодіанъ, первый христіанскій поэтъ, его біографія и богословіе“, напечатанной въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей духовнаго Просвѣщенія за 1879 годъ (II часть). Къ чести автора нужно сказать, что онъ не скрываетъ этихъ заимствованій, хотя съ другой стороны его цитаты и не настолько ясны, чтобы на основаніи ихъ сразу же можно было бы опредѣлить степень его зависимости отъ пособій.

Такимъ образомъ самостоятельная работа автора ограничивается систематическимъ изложеніемъ догматическихкихъ воззрѣній изучаемаго имъ писателя (96 - 208=112 стр.). Но и въ указанныхъ предѣлахъ задача выполнена авторомъ далеко не удовлетворительно. Переводъ источника и пособій съ латинскаго и нѣмецкаго вполнѣ воспроизводитъ разстановку словъ подлинниковъ, слѣдствіемъ чего является нецѣлостность стиля и двусмысленность выраженій на русскомъ языкѣ (стр. 2 — 3, 28, 37, 42, 161 и др). Недостатки перевода автора этимъ однако не ограничиваются. Не будучи чистымъ, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ высшей степени неправиленъ (стр. 3, 6, 8, 46, 116, 141, 161, 178, 179 — съ латинскаго языка и стр. 21, 23, 29, 31, 32 — съ нѣмецкаго). Вслѣдствіе этого авторъ часто не понимаетъ смысла своихъ пособій и, вступая съ ними въ полемику, сражается съ тѣнями (стр. 21, 23), или дѣлаетъ съ своей стороны неудачныя поясненія и поправки (стр. 32—33, 45).

Незнакомство автора съ догматическими воззрѣніями эпохи,

къ которой принадлежить изучаемый имъ писатель, дурно отразилъ съ на изложеніи его воззрѣній. Вслѣдствіе этого, именно его пониманію были недоступны нѣкоторыя мелкія, но характерныя подробности воззрѣній поэта. Такъ, напримѣръ, онъ не понимаетъ, что такое *Latinus*, почему антихристъ называется *Nero tudatus*, а непониманіе этого ведетъ къ неправильному переводу. Этимъ же пужно объяснить неумѣнье автора поставить вопросъ. Онъ подробно излагаетъ такіе пункты догматики Коммодіана, которые общи вѣмъ церковнымъ писателямъ и кончаетъ свое изложеніе тамъ, гдѣ начинается собственно вопросъ. Напримѣръ, онъ подробно излагаетъ, что говоритъ Коммодіанъ о страданіяхъ Спасителя и вовсе не пытается выяснитъ, какое же значеніе имѣли эти страданія, по мнѣнію изучаемаго имъ писателя, для спасенія человѣка, или напр. онъ не отчетливо излагаетъ ученіе о двукратномъ паденіи ангеловъ.

Наконецъ въ изложеніи догматическихъ воззрѣній Коммодіана у автора есть недостатки и не обусловленные его незнакомствомъ съ эпохой, а вкравшіеся по небрежности. Такъ, напримѣръ, изъ приведенныхъ словъ Коммодіана онъ перѣдко выводитъ болѣе, чѣмъ они даютъ (130, 131, 148 стр.). Часто въ подтвержденіе своихъ выводовъ авторъ ссылается на такія мѣста перипеточника, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ его выводу (стр. 145—146). Иногда онъ навязываетъ поэту воззрѣнія позднѣйшаго времени (стр. 145), наконецъ, допускаетъ нѣкоторыя неточности (стр. 179, 194) и противорѣчія (стр. 175—194).

Указанные недостатки изложенія догматическихъ воззрѣній Коммодіана касаются, впрочемъ, лишь частныхъ. Въ общемъ авторъ вѣрно понялъ воззрѣнія изучаемаго имъ писателя, подробно изложилъ ихъ, отмѣтилъ вѣ болѣе крупныя отличительныя черты ихъ. Надъ своею работою авторъ не мало потрудился. Онъ старательно прочелъ свой источникъ—стихотворенія Коммодіана, неправильность и искусственность языка котораго дѣлаютъ его вообще труднымъ для пониманія. Наконецъ авторъ познакомился почти со всею повѣйшею литературою о первомъ христіанскомъ поэтѣ. При этомъ за нѣкоторыми сочиненіями онъ долженъ былъ обращаться въ другія библіотеки или выписывать ихъ на собственный счетъ.

Въ виду всего этого г. Попова слѣдуетъ признать достойнымъ степени кандидата богословія. Направленіе сочиненія вполне безупречно“.

46. Ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Преображенскаго Николая*: „Инокъ Вассіанъ Косой, ученикъ преподобнаго Нила Сорскаго“:

„Сочиненіе студента IV го курса Николая Преображенскаго— „Инокъ Вассіанъ Косой, ученикъ преподобнаго Нила Сорскаго“—довольно большее по объему, представляетъ изъ себя обстоятельную работу по данному вопросу.

Въ нашей ученой литературѣ доселѣ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія объ инокѣ Вассіанѣ Косомъ,—сочиненіе автора восполняетъ этотъ недостатокъ. Авторъ старается воспроизвести предъ нами личность Вассіана сначала въ качествѣ знаменитаго князя Патрикѣева, выдающагося и близкаго къ великому князю служилаго человѣка, старается подмѣтить тогдашнія особыя черты его характера, условія его развитія и склада его возрѣній. Затѣмъ авторъ переходитъ къ подробному изложенію жизни и дѣятельности князя Василія Патрикѣева въ качествѣ инока Вассіана Косого, въ качествѣ ученика и послѣдователя преподобнаго Нила Сорскаго. Онъ подробно излагаетъ волновавшіе тогдашнее общество вопросы: о монастырскихъ имуществахъ, объ отношеніи къ еретикамъ и другіе, при чемъ выукло очерчиваетъ всѣхъ выдающихся борцовъ по этимъ вопросамъ, съ особою тщательностію старается выяснить литературное и практически житейское значеніе, какое имѣлъ въ этой борьбѣ Вассіанъ Косой. Авторъ обстоятельно характеризуетъ литературно-полемическія произведенія Вассіана, показываетъ ихъ сильныя и слабыя стороны, то значеніе, какое они имѣли для современниковъ, выясняетъ причины столкновенія Вассіана съ митрополитомъ Даниломъ, закончившагося судомъ надъ Вассіаномъ и его заточеніемъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь.

Авторъ много и усердно работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, работалъ съ любовью и интересомъ къ избранному предмету, показалъ достаточное умѣнье пользоваться матеріаломъ и значительную научную зрѣлость сужденій. Но, къ сожалѣнію, авторъ недостаточно позаботился о внѣшней

стилистической обработкѣ своего сочиненія, почему его мысли изложены по мѣстамъ тяжелымъ языкомъ.

Сочиненіе г. Преображенскаго признаю вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

47. П. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента *іеродіакона Протасія*: „Нравственное ученіе Св. Григорія Богослова“:

„Сочиненіе о. Протасія начинается краткимъ очеркомъ эпохи св. Григорія Богослова и краткими же біографіей и характеристикой его (1—48 стр.). Затѣмъ, послѣ двухъ страницъ введенія (49—50) указывается планъ сочиненія. Планъ этотъ представляется въ такомъ видѣ. Сначала авторъ излагаетъ ученіе св. Григорія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ (54—66); далѣе (66—258) предлагается изложеніе ученія св. Григорія Богослова о нравственности вообще и христіанской въ частности, — объ условіяхъ нравственности, т. е. свободѣ человеческой воли, законѣ и благодати, — о добрѣ и злѣ, о добродѣтели и грѣхѣ; наконецъ указываются „основныя принципы нравственности“ по ученію св. Григорія и выясняется его взглядъ на цѣль жизни міра и человѣка. Въ другой части своего сочиненія, которую называетъ „спеціальною“ (258), авторъ даетъ конспективное изложеніе ученія св. отца объ обязанностяхъ по отношенію: 1) къ Богу, 2) къ ангеламъ, 3) къ ближнимъ, 4) къ самому себѣ и 5) къ природѣ. Обѣщаніе автора (53 стр.) дать „краткую характеристику нравственнаго ученія св. Григорія Богослова“ и „заключеніе“ осталось невыполненнымъ.

Такимъ образомъ авторъ только на половину выполнилъ свой планъ. Но и изъ того, что написано имъ, видно, что авторъ достаточно ознакомился съ ученіемъ св. Григорія Богослова и довольно послѣдовательно изложилъ его: онъ достаточно изучилъ не только творенія Назіанзина, но и нѣкоторыя пособія по нравственному богословію, и собранный имъ матеріалъ изложилъ въ стройной, хотя нѣсколько дробной, системѣ. Въ этомъ состоитъ не малая заслуга автора. Но при этомъ все же слѣдуетъ замѣтить, что автору не удалось достигнуть полнаго и яснаго пониманія нравственнаго ученія св. Григорія, проникнуть въ духъ его нравственныхъ воззрѣній и изложить ихъ въ соответствен-

ной имъ системѣ. Та система, въ которой излагается авторомъ нравственное ученіе св. Григорія, представляется предвзятой, искусственной, и ученіе св. Григорія съ трудомъ укладывается въ ея рамки и несомнѣнно утрачиваетъ свои характерныя особенности. Въ послѣднемъ до извѣстной степени сознается даже самъ авторъ (65—66). Возвыситься до полного и яснаго понятія о нравственномъ ученіи св. Григорія помѣшало автору недостаточное знакомство съ обстоятельствами мѣста и времени и съ средой, — влиявшими на св. отца. Говоримъ: недостаточное, потому что очеркъ эпохи и жизни св. Григорія и его характеристика, данныя въ началѣ сочиненія, слишкомъ общи и мало уясняютъ нравственное ученіе св. Григорія. — Въ литературномъ отношеніи автора слѣдуетъ упрекнуть въ употребленіи иностранныхъ словъ и темныхъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: факторы нравственности, элементы нравственнаго ученія, обобщеніе конкретностей, отвлеченіе отъ конкретностей и т. п.

Но принимая въ соображеніе трудъ автора и не бѣдные плоды послѣдняго, также достаточное богословское развитіе сочинителя и наконецъ въ общемъ очень удовлетворительный для иностранца слогъ и вполне доброе направленіе сочиненія, — мы считаемъ о. іеродіакона Протасія достойнымъ степени кандидата богословія“.

48. Ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Ристькока Георгія*: „Истолковательные труды Блаженнаго Іеронима“:

„Сочиненіе г. Ристькока далеко не имѣетъ надлежащей полноты. Въ немъ сначала разъясняется, какъ понималъ Блаженный Іеронимъ богодухновенность Св. Писанія и какъ смотрѣлъ на составъ священнаго канона. Затѣмъ перечисляются истолковательные труды Блаж. Іеронима, говорится о достоинствахъ и недостаткахъ его толкованія и, въ заключеніе, указывается, какія въ истолковательныхъ его трудахъ заключаются догматическія и правоучительныя мысли.

Но библиографическая сторона отсутствуетъ въ сочиненіи. Авторъ не даетъ описанія самихъ истолковательныхъ сочиненій Блаж. Іеронима, ограничиваясь лишь ихъ перечисленіемъ и замѣчаніемъ (на стр. 115), что излагать въ от-

дѣльности содержаніе каждаго (истолковательнаго) труда и давать особую характеристику каждаго представляется, съ одной стороны, крайне труднымъ, а съ другой, едва ли необходимымъ; молчитъ о хронологіи истолковательныхъ сочиненій Блаж. Иеронима, перечисляя ихъ по порядку въ священномъ канонѣ тѣхъ книгъ библейскихъ, къ которымъ они относятся; ограничивается лишь самыми общими замѣчаніями касательно неагогки Блаж. Иеронима; почти не даетъ образцовъ филологическихъ толкованій его; догматическія и нравоучительныя мысли, заключающіяся въ его истолковательныхъ сочиненіяхъ, только перечисляетъ, но не излагаетъ. Однимъ словомъ, задача сужена авторомъ и сочиненіе его, къ невыгодѣ своей, отличается краткостію.

Впрочемъ, высказанныя сужденія о характерѣ толковательныхъ трудовъ Бл. Иеронима правильны и чужды неправославныхъ тенденцій, а вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о значительномъ изученіи предмета авторомъ сочиненія“.

49. П. д. доцента Пльи Громогласова о сочиненіи студента *діакона Рождественскаго Петра*: „Общія условія русск-й жизни (бытовыя и историческія), благопріятствовавшія возникновенію и существованію въ Русской Церкви раскола старообрядчества“:

„Авторъ изслѣдованія на указанную тему сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на историческихъ условіяхъ русской жизни, подготовившихъ почву для возникновенія у насъ такъ называемаго раскола старообрядчества и почти совсѣмъ не коснулся тѣхъ современно бытовыхъ условій, которыми въ настоящее время поддерживается существованіе названной формы религіозно-церковнаго раздѣленія; но въ предѣлахъ того, что послужило для него главнымъ предметомъ изслѣдованія и изученія, о. діаконъ выполнилъ свой трудъ вполне успѣшно, серьезно и добросовѣстно. Внимательное изученіе существующей ученой литературы, посвященной изслѣдованію различныхъ сторонъ древне-русской жизни до XVII в. включительно, дало ему возможность вѣрно понять предметъ, ясно поставить и правильно разрѣшить рядъ вопросовъ касательно „развитія религіозно-нравственнаго міросозерцанія русскаго народа вообще и мистико-апокалипсическаго направленія этого міросозерцанія въ частности. религіозно-національнаго сознанія

вообще и религиозно-національной исключительности и нетерпимости къ иноземцамъ въ частности“ и т. п.,—рядъ вопросовъ, съ уясненіемъ которыхъ уясняется и генезисъ старообрядческаго раскола, какъ историческаго факта и какъ доктрины. Въ сочиненіи особенно замѣтно выступаетъ на видъ способность автора вдумчиво относиться къ изучаемымъ фактамъ и вѣрно подмѣчать въ нихъ существенную сторону въ интересахъ основной задачи предпринятаго труда: оттого въ послѣднемъ нѣтъ излишнихъ, затемняющихъ дѣлю, подробностей. Сужденія автора, отличающіяся всегда объективнымъ спокойствіемъ и фактической основательностію, изложены языкомъ выработаннымъ, чуждымъ замѣтныхъ погрѣшностей. Степени кандидата богословія о. діаконъ вноишѣ заслуживаетъ“.

50. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Руднева Михаила*: „Церковное судопроизводство по дѣламъ о расторженіи брака по причинѣ супружеской невѣрности (Исторія процесса и современная форма его въ помѣстныхъ православныхъ церквахъ: русской и югославянскихъ)“:

„Названное сочиненіе, небольшое по объему (361 стр.), представляетъ законченное, тщательно обработанное цѣлое. Предметомъ его служитъ историческое изображеніе епархіальнаго судопроизводства по дѣламъ о расторженіи брака по причинѣ супружеской невѣрности.

На основаніи Слова Божія и церковныхъ правилъ авторъ устанавливаетъ основное начало, что законный бракъ совершенно прекращается виною прелюбодѣянія, и супругъ невиновный одинаково—мужъ или жена) имѣетъ право вступить въ новое супружество. Затѣмъ, въ общемъ понятіи: „супружеская невѣрность“ онъ различаетъ три вида преступныхъ дѣяній: 1) прелюбодѣяніе въ тѣсномъ смыслѣ; 2) оставленіе однимъ изъ супруговъ другого и вступленіе въ новое супружество и 3) вступленіе въ новый бракъ во время безвѣстнаго отсутствія перваго супруга. Такое различеніе необходимо имѣть въ виду при изложеніи порядка судопроизводства по причинѣ супружеской невѣрности, такъ какъ каждый изъ означенныхъ видовъ требуетъ нѣкоторыхъ особенностей судопроизводства.

Обращаясь къ исторіи развитія судопроизводства по этимъ

дѣламъ, авторъ различаетъ три отдѣльные періода: 1) древнѣйшій—до учрежденія Святѣйшаго Синода; 2) періодъ синодальный до 1841 г. (изданія Устава духовныхъ консисторій) и 3) новѣйшій—со времени этого изданія.

Соотвѣтственно такому плану авторомъ и представлено обстоятельное изложеніе порядка епархіального судопроизводства по означеннымъ дѣламъ въ каждый изъ указанныхъ періодовъ особо. Сверхъ того авторомъ сдѣлано краткое изображеніе порядка судопроизводства по этимъ дѣламъ, принятаго въ православной церкви королевства Сербіи и въ православной сербской церкви Австро-Венгріи.

Сочиненіе свидѣтельствуетъ прежде всего о похвальномъ усердіи автора къ дѣлу: онъ въ достаточной полнотѣ воспользовался существующею литературою по этому предмету и сверхъ того пользовался рукописнымъ матеріаломъ изъ архива Тульской духовной консисторіи. Предметъ сочиненія изображенъ полно и основательно. Сочиненіе отличается послѣдовательностью, сжатостью и точностью изложенія и дѣловымъ, добрымъ направленіемъ.

По этимъ достоинствамъ оно можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ для полученія авторомъ степени кандидата богословія“.

51. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Рыбинскаго Василія*: „Церковно-правительственное отношеніе Константинопольскаго патріарха къ древне-русской церкви“:

„Пазванное сочиненіе имѣетъ своимъ предметомъ весьма важный и сложный вопросъ о каноническомъ характерѣ тѣхъ отношеній, въ которыхъ нѣкогда стоялъ Константинопольскій патріархъ къ цѣлой русской церкви (т. е. къ сѣверно-и южно-русскимъ ея половинамъ). Не смотря на то, что этотъ вопросъ разсматривался нашими церковными историками, не смотря на то, что ему посвящена спеціальная монографія профессора Т. В. Барсова, должно сказать, что до сего времени онъ не освѣщенъ съ надлежащею основательностью. Собрано много фактовъ, доказывающихъ, что Константинопольскій патріархъ долгое время стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ іерархіи русской церкви, оказывалъ дѣятельное и сильное вліяніе на церковное управленіе, что зависимость отъ него русской церкви была весьма ощути-

тельна; но на чемъ основывалось это отношеніе зависимости? Въ какой мѣрѣ были законны попытки освободиться отъ этой зависимости? Что въ этой зависимости опиралось на твердомъ каноническомъ основаніи и что обуславливалось, такъ сказать, случайными, временными обстоятельствами?— Эти вопросы доселѣ въ нашей литературѣ не были удовлетворительно раскрыты. Раскрытіе ихъ и ставить своею задачею сочиненіе В. Рыбинскаго.

Свою задачу авторъ предположилъ разрѣшить по слѣдующему плану. Прежде всего онъ разсматриваетъ со всею обстоятельностью общій вопросъ о каноническихъ основаніяхъ власти Константинопольскаго патріарха надъ русскою церковью. Важность этого вопроса обуславливается господствующею разногласицею мнѣній въ наукѣ на этотъ счетъ: указываются во 1-хъ) *различныя* основанія для власти Константинопольскаго патріарха; во 2-хъ) существуетъ даже взглядъ, что Константинопольскій патріархъ не имѣлъ никакого права на подчиненіе себѣ русской церкви.

Въ частности проявленія патріаршей власти авторъ предполагаетъ разсмотрѣть 1) въ области *административной*: а) право поставленія митрополитовъ; б) право верховнаго надзора; в) право ставропигіи; д) право требованія ежегодной дани; 2) въ области *судебной*: высшій судъ по дѣламъ митрополитовъ и епископовъ (каноническія основанія этого права и случаи его приложенія); 3) въ области *законодательной*: общее начало—не вводитъ новыхъ постановленій, а ограничиваться разъясненіемъ уже данныхъ въ каноническомъ законодательствѣ вселенской церкви (примѣненіе этого начала въ грамотахъ патріарховъ о непоставленіи рабовъ въ священный санъ, о неприкосновенности имущества и судовъ церковныхъ и проч.). Наконецъ, такъ какъ по издавна установившемуся въ Византіи порядку патріархъ даже въ дѣлахъ чисто церковныхъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ императоромъ: то представляется необходимымъ разсмотрѣть вопросъ о значеніи власти византійскихъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ древней Руси.

Таковъ планъ автора. Насколько полно и вѣрно обозначены здѣсь всѣ частности вопроса, ведущія къ правильному, обстоятельному и методически-безукоризненному его разрѣшенію, — ясно само собою.

Въ врдѣ жажемъ сочиненіи В. Рыбинскаго этотъ планъ выношенъ только на половину: въ законченномъ видѣ представлены: введеніе (1—26): глава 1-я: право Константинопольскаго патріарха на одиленіе себѣ русской церкви, взглядъ ер днелѣковыхъ грелескихъ канонистовъ и за ними— западно-русскихъ православныхъ полемистовъ XVII в., теорія пентархіи патріарховъ, мнѣнія по данному вопросу профессоровъ: Голубинскаго, Барсова, Павлова и его разрѣшеніе (26—194): глава 2-я: патріаршее право рукоположенія русскихъ митрополитовъ, каноническое основаніе этого права, сооставленіе практики съ ея канонической нормой (195—309).

Дальнѣйшіе отдѣлы представлены только въ видѣ краткаго конспекта.

Законченные отдѣлы сочиненія обнаруживаютъ въ авторѣ основательное значеніе литературы предмета, вѣрное пониманіе его, тонкость анализа каноническаго и историческаго матеріала и глубоко уваженіе къ каноническимъ опредѣленіямъ святой православной церкви.

Принимая во вниманіе эти достоинства сочиненія, хотя и не оконченнаго, признаю автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

52. Оригинальнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Сахарова Александра*: „Распространеніе христіанства въ Западной Сибири въ связи съ русской колонизаціей края“:

„Авторъ развилъ данную ему тему въ довольно сложную программу, въ составъ которой вошли: и этнографія Западной Сибири съ описаніемъ культурнаго состоянія и религіозно-правственнаго міровоззрѣнія тамошнихъ ивородцевъ, и движеніе русской колонизаціи того края, и ея вліяніе на распространеніе тамъ русской культуры и православной вѣры, и мѣропріятія церковныя, какъ и гражданскія, для обращенія въ христіанство ивородцевъ Западной Сибири. Изложеніе всѣхъ этихъ процессовъ доведено въ сочиненіи А. Сахарова до второй четверти XIX вѣка. Авторъ составилъ такую программу на основаніи и-ученія довольно значительнаго количества издаваемыхъ источниковъ и сочиненій по исторіи Сибири. Во всемъ трудѣ авторъ строго держится своей задачи—прослѣдить распространеніе христіанства въ

Западной Сибири въ связи съ русской колонизаціей края. Но такъ какъ онъ нашель въ изученныхъ имъ источникахъ и сочиненіяхъ больше данныхъ для исторіи колонизаціи, чѣмъ для исторіи распространенія христіанства, то первая въ его трудѣ сама собою выступила на передній планъ, поставивъ въ тѣни вторую; менѣе обильный матеріалъ для главнаго предмета сочиненія требовалъ болѣе тщательной и самостоятельной разработки. Кромѣ того авторъ безъ нужды увеличилъ размѣры своего обширнаго сочиненія (465 стр. in 4°) излишними подробностями, которыя можно было бы обобщить, отчетливѣе изложивъ условія изучаемаго дѣла, просвѣтительныя средства русскаго церковнаго и государственнаго правительства, какъ и русскаго общества, препятствія, мѣшавшія успѣху дѣла, и т. п. Впрочемъ, обширная начитанность автора и его серьезное отношеніе къ своей задачѣ даютъ достаточное основаніе признать его трудъ весьма удовлетворительнымъ“.

53. Ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Семеновскаго Николая*: „Блаженный Августинъ и его сочиненія противъ манихеевъ“:

„Въ сочиненіи студента Семеновскаго, прежде всего, излагается жизнь Блаж. Августина, преимущественно, на основаніи его „Исповѣди“. причемъ особенно подробно изображаются отношенія его къ манихейству. Затѣмъ дается краткій очеркъ противоманихейскихъ сочиненій Блаж. Августина. Послѣ этого въ сочиненіи слѣдуетъ опроверженіе манихейскаго ученія, данное Блаж. Августиномъ. Въ заключеніе излагается, такъ сказать, положительное содержаніе противоманихейскихъ сочиненій Блаж. Августина, именно: его догматическое и нравственное ученіе, а также говорится о способѣ толкованія Св. Писанія въ его противоманихейскихъ сочиненіяхъ.“

Обозрѣніе сочиненій Блаж. Августина противъ манихеевъ и обстоятельное извлеченіе изъ нихъ какъ полемическаго, такъ и положительнаго матеріала—дѣло не легкое. П г. Семеновскому, прежде всего, должна быть поставлена въ похвалу тщательность въ кропотливой работѣ. Воззрѣнія манихейства и опроверженіе ихъ, данное Блаж. Августиномъ, представлены имъ подробно и систематически.

Правда, эти воззрѣнія и это опроверженіе не достаточно

объединены, не сосредоточены въ одномъ или нѣсколькихъ главныхъ пунктахъ: тѣмъ не менѣе, сочиненіе въ значительной степени проясняетъ образъ борьбы великаго учителя Церкви съ манихействомъ и, вмѣстѣ, вполнѣ чуждо неправославныхъ мыслей и сужденій“.

54. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи вольнослушателя *іеромонаха Серапіона*: „О нравственной достовѣрности“:

„Сочиненіе о. Серапіона представляетъ весьма своеобразный и широко задуманный опытъ построения христіанской философіи. Авторъ ищетъ для христіанской истины формы мыслимости — стремится развить основное содержаніе христіанскаго вѣро-и право-ученія въ связной системѣ умозрительныхъ понятій. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ различные вопросы христіанскаго вѣдѣнія и, такимъ образомъ, его обширное по объему сочиненіе (586 стр.) оказывается въ тоже время и весьма содержательнымъ: онъ говоритъ въ немъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, — о критеріяхъ истины, о природѣ нашего знанія, о пространствѣ и времени, о сущности и строгости матеріи, о движеніи, о происхожденіи міра, о цѣлесообразномъ его устройствѣ, о природѣ и жизни души — въ нормальномъ и патологическомъ состояніи, объ основахъ нравственности, общежитія и т. д. По средоточный пунктъ, къ установкѣ котораго направляются всѣ его изысканія, есть вопросъ о критеріяхъ и способахъ познанія истины (вопросъ, говоря техническимъ языкомъ философіи, — гносеологическій).

Авторъ не удовлетворяется общепринятымъ критеріемъ истины — очевидностью въ ея двухъ основныхъ формахъ: очевидностью опытною и логическою. Даже нравственную достовѣрность въ той формѣ, какъ учили объ ней Кантъ и Ренувье, онъ признаетъ принципомъ знанія недостаточнымъ, — на томъ основаніи, что этотъ принципъ не переводитъ за предѣлы міра явленій. Подвергая взгляды Канта и Ренувье остроумной и глубокой критикѣ, авторъ дѣлаетъ замѣчательную попытку въ корнѣ переставить вопросъ о критеріи истины и признаетъ такимъ критеріемъ опытъ религіозный, религіозную интуицію или, какъ выражались св. отцы — подвижники, „умный свѣтъ“ (стр. 9 и сл.). Истину нужно познать прежде всего опытно, въ христіан-

ствѣ, въ жизни по его ученію и правиламъ, — и тогда она освободитъ нашъ умъ изъ тисковъ скептицизма, такъ что мы будемъ въ состояніи развить ее въ системѣ умозрагательныхъ понятій. Авторъ подробно говоритъ объ этомъ пути къ познанію истины въ Богѣ чрезъ Иисуса Христа и намѣчаетъ отдѣльные моменты или ступени восхожденія по этому пути; однако и на этомъ онъ не останавливается. Единичныхъ усилій и одиночнаго опыта для познанія истины, по автору, не достаточно: нужно руководство со стороны Св. Церкви, утверждающей на неизблемомъ основаніи Св. Вселенскихъ Соборовъ. Св. Соборы опредѣляютъ общія нормы и направленія нашей мысли, хотя и не стѣсняють нашей свободы въ раскрытіи и пониманіи частныхъ вопросовъ. Утверждаясь на этомъ основаніи, мы, говоритъ авторъ, „можемъ абсолютно утверждать *общее направленіе истины*, хотя и не безусловно — болѣе частныя: мы вѣрно идемъ на востокъ, но частіе опредѣлить страну свѣта не можемъ и не безусловно отличаемъ сѣверо-востокъ отъ самаго востока, хотя безусловно отличаемъ отъ него северъ и югъ, не говоря уже о прямой противоположности — западѣ“ (стр. 280).

Такова задача, составъ и общее направленіе изслѣдованій о. Серапіона. Что касается генезиса выполненія этой задачи, то слѣдуетъ прежде всего признать, что авторъ вполне стоитъ на ея уровнѣ. Его обширная и читательность въ святоотеческой, преимущественно аскетической литературѣ, хорошее знакомство (по подлинникамъ) съ философією и прочныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ (авторъ прошелъ до поступленія въ академію университетскій курсъ по естественно-математическому факультету): все это позволяетъ ему вступать въ такія области человѣческаго вѣдѣнія и затрогивать такіе вопросы, которые требуютъ особенной подготовки и на которые поэтому не всякій отваживается.

Къ сожалѣнію авторъ не обладаетъ въ соответственной степени формально-литературными приѣмами. Его мысль далеко не всегда находитъ себѣ соответствующее выраженіе въ словѣ. Невыдержанность плана, нарушеніе его длинными выписками и побочными разъясненіями, недостатокъ раздѣльности, — все это въ значительной степени затрудняетъ пониманіе какъ отдѣльныхъ тезисовъ автора, такъ и всего

его сочиненія въ цѣломъ. Рецензентъ долженъ сознаться, что ему далеко не вездѣ удалось уловить тонкіе оттѣнки мысли автора, изложенной иногда темно и запутанно, а иногда отрывочно и эфористично. Правда, эти недостатки отчасти обусловлены свойствомъ обсуждаемыхъ вопросовъ; но отчасти они зависятъ и отъ самого автора: его умственная работа, такъ сказать, опережаетъ словесную формулировку мыслей и, будучи всецѣло поглощена ею, онъ иногда какъ бы забываетъ читателя, которому приходится, поэтому, дѣлать очень большія усилія, чтобы слѣдить за ходомъ мысли въ сочиненіи. Вообще сочиненіе о Серапіона въ литературномъ отношеніи оставляетъ желать многого и это—его главный недостатокъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ оно своимъ содержаниемъ. Серьезная и вдумчивая вообще, *мысль автора достигаетъ иногда замѣчательной глубины* умозрѣнія и поражаетъ своею тонкостью. Сочиненіе обилуетъ страницами, которыя проникнуты такою сильною и опредѣленною мыслью, такимъ здоровымъ чувствомъ одушевленія и любви къ истинѣ, такою оригинальностью, что, отдыхая на нихъ, читатель какъ бы забываетъ о тѣхъ усиліяхъ, которыя ему пришлось потратить на пониманіе смежныхъ, б'лѣе трудныхъ и темныхъ по неясности изложенія отрывковъ сочиненія. Здѣсь, въ этихъ страницахъ, ясно видѣнъ въ авторѣ мыслитель глубокой, — философъ по природѣ. Но что особенно располагаетъ рецензента въ пользу автора, такъ это *необычайная серьезность и искренность его отношенія къ обсуждаемымъ вопросамъ*. Читая его сочиненіе, живо чувствуешь, что это не обычная студенческая работа, задуманная и выполненная исключительно при пособіи книгъ; нѣтъ, — здѣсь излагаются мучительные вопросы, вынесенные изъ жизни, — вопросы, до рѣшенія которыхъ авторъ доходилъ самъ, опытомъ собственной жизни, размышленіемъ и усиленною борьбою съ сомнѣніемъ. (Пирронисты дали могучій толчекъ мысли автора и имѣли въ выработкѣ его міросозерцанія громадное *отрицательное* значеніе). На сочиненіи ясно отразились, съ одной стороны, слѣды напряженія и муки, пережитой авторомъ, когда онъ медленно и съ препятствіями выбирался изъ тисковъ скептицизма, а съ другой — торжество духа, успокоившагося, достигшаго непоколебимой увѣ-

ренности въ христіанской истинѣ и разсѣявшаго, при ея свѣтѣ, мракъ сомнѣнія. „Кто дастъ смѣлость на абсолютное утвержденіе“?—спрашиваетъ авторъ въ заключеніе своего сочиненія и отвѣчаетъ: „Христось! Я чувствовалъ робость,—продолжаетъ онъ,—безусловнаго утвержденія, возможнаго только Богу; я чувствовалъ, что мой бѣдный разумъ не вынесетъ мукъ сомнѣнія и колебанія, по конечнымъ, условнымъ не удовлетворялся: или абсолютная истина, или абсолютный скепсисъ! И, если бы я утверждать только своею силою или даль бы мѣсто гордости, то тогда несомнѣнно мой умъ помрачился бы. Но я повергался всегда мысленно предъ Господомъ, Ему вручалъ свою мысль и умъ, Ему единому,—безстрашно и по праву носящему тяжелое, для смертнаго непосильное бремя абсолютнаго... Къ Нему взывалъ я съ вѣрою и отъ Него получалъ крѣпость“... „Проникнувъ мыслию во всѣ основы бытія,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—войдемъ въ храмъ и тамъ, внимая иѣсноиѣнію, будемъ предстоить уму въ сердцѣ Христу и Онъ, Спаситель нашъ, Онъ совершитъ, Онъ насъ просвѣтитъ и утвердитъ и возвеселитъ радостію неизреченною—предвкушеніемъ будущей, негибнущей радости. Ему слава и держава во вѣки“ (269—270). Такимъ языкомъ можетъ говорить только христіанскій философъ, для котораго истина есть прежде всего подвигъ жизни, требующій нравственной чистоты и молитвы.

Каковы бы ни были формально-литературныя несовершенства разсматриваемаго нами сочиненія, но въ виду только что указанныхъ положительныхъ свойствъ его, мы считаемъ дѣломъ полной справедливости признать его автора вполне достойнымъ степені кандидата богословія“.

55. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Смирина Константина*: „Исторія миссіонерскаго (противъ раскола) дѣла на Руси въ ея главнѣйшихъ моментахъ“:

„Задача названнаго сочиненія состояла въ томъ, чтобы представить исторію противораскольническо-миссіонерскаго дѣла только „въ ея основныхъ моментахъ“, т. е., установивши извѣстные періоды въ этой исторіи, представить лишь важнѣйшіе факты и на основаніи ихъ общую характеристику миссіонерскаго дѣла за каждый изъ намѣченныхъ